

Эдуард
ТОПОЛЬ

*Женское
время,*

или

*Война
полов*

Эдуард Владимирович Тополь

Женское время, или Война полов

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4410725

Женское время, или Война полов: АСТ, Астрель; М.; 2012

ISBN 978-5-17-071281-6, 978-5-271-32680-6

Аннотация

Увлекательный роман знаменитого Эдуарда Тополя – прославленного драматурга и сценариста, но прежде всего известного и любимого во всем мире писателя, книги которого изданы во всех европейских странах, в США, Японии и, конечно, в России.

Черeda странных убийств, жертвами которых становятся все новые и новые женщины... На первый взгляд эти преступления ничем не мотивированы.

Но даже для самого жестокого маньяка их – слишком много. Так что же это? Беспощадный эксперимент? Атака потусторонних сил? Или – война полов, которую мужчины восприняли буквально? Женщины должны ответить на этот вопрос – пока не поздно...

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	16
3	37
4	45
5	55
6	72
7	78
8	86
9	96
10	103
11	107
12	125
13	132
14	136
15	147
16	156
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Эдуард Тополь

Женское время, или Война полов

*И разумные будут сиять, как светила на
тверди, и обратившие многих к правде – как звезды,
во веки, навсегда.*

Книга Даниила, 12:3

Часть первая

1

«Вы можете описать, что вы видели?»

«Нет, не могу. Это же было во сне! Я увидела что-то яркое...»

«Что?»

«Какой-то сноп света. Или раскаленный луч. Он летел на меня сверху, с неба. И когда приблизился...»

«Что? Продолжайте».

«Это было похоже на печать. Маленькую раскаленную печать. Она летела на меня из космоса. Быстро, как пуля. Мне стало страшно. Я хотела проснуться, выскочить из этого сна, но... Что-то держало меня. И тогда...»

«Что? Говорите».

«Это было ужасно! Я кричала. Я знаю, что я кричала. Я помню это».

«Значит, вы проснулись?»

«Нет. Если бы я проснулась, я бы умерла от страха. Наверно, я кричала, как кричат во сне. Меня никто не слышал. Но я хорошо помню эту жуткую боль. И запах...»

«Какой запах?»

«Запах горящего мяса».

«Вы слышали запах горящего мяса?»

«Да. Эта печать жгла мою правую грудь».

«То есть вам выжгли грудь, а вы даже не проснулись?!»

«Нет. Я же вам говорю: если бы я проснулась, я бы умерла со страху!»

«Вам не кажется, что это странно? Вам – без всякой анестезии – выжигают грудь, а вы даже не просыпаетесь!»

«Это же было мгновенно! Эта раскаленная штука прожгла одеяло, впилась мне в грудь и тут же отлетела. Как будто меня проштамповали. И все. А потом было больно, но уже не так. Терпимо. Я плыла по морю. Оно было прохладное и зеленое. Оно лечило меня. А утром... Я проснулась и ничего не помнила. Я откинула одеяло и босиком пробежала в ванную. И только там, когда я увидела себя в зеркале...»

«Что? Что вы там увидели?»

«Вы знаете что! Я увидела, что у меня нет правой груди. А только это пятно. Как свежий ожог...»

«Подождите, Катрин! Вернемся к началу. Вы сказали, что видели какой-то луч. Какой это был луч? Узкий? Широкий?»

«Я не знаю...»

«Красный? Желтый? Оранжевый?»

«Я не помню».

«Как долго вы его видели?»

«Я не помню. Не знаю...»

Джеймс Л. Фаррон, шеф нью-йоркского ФБР, остановил видеомэгнитофон, а его ассистент пустил по рукам присутствующих стопку больших, 21 на 28 сантиметров, фотографий. Присутствующих в конференц-зале было не меньше сотни – сотрудники ФБР из Манхэттена, Куинса, Бронкса, Бруклина и Стейтен-Айленда. То есть все special agents – специальные агенты, которых можно и нельзя было оторвать от охоты за воротилами наркобизнеса, убийцами, грабителями банков, похитителями детей и главарями итальянской, корейской, русской, кубинской и прочих нью-йоркских мафий, – все сидели сейчас на 18-м этаже стеклянно-зеленого небоскреба на Федерал-Плаза, 28. Многих из них Марк хорошо знал, некоторых никогда не видел, но и те и другие были, конечно, сливками сливок ФБР. Уж если Фаррон сгрэб сюда даже половину отдела контршпионажа и если тут, помимо сотрудников ФБР, сидит еще человек двадцать из службы «Секретный сервис» и Агентства национальной безопасности...

А ведь всего пять дней назад, когда эту пленку переслали в ФБР из полицейского участка Ист-Сайда – восточной стороны Нью-Йорка, все оперативные дежурные ФБР были уверены, что выжженная грудь – это, конечно, бред очередной шизофренички. Запах горелого мяса – брррр! И как только у этих умников из полиции хватает времени заниматься такой ерундой! Да еще дергают ФБР!

Но через двадцать минут после допроса первой жертвы

(Катрин Хилч, 32, одинокая, 66-я Восточная улица, 43, в Манхэттене) еще одна молодая женщина с точно таким же ожогом на месте правой груди вызвала полицию. И тоже на Ист-Сайде. А спустя десять минут – еще шесть! И затем в течение пяти ночей это обрушилось на город таким валом, что теперь ни один из агентов, глядя и слушая видеозаписи допросов пострадавших женщин, не позволит себе ни ухмылки, ни брезгливой гримасы. Они держали в руках сто шестьдесят женских фотографий, и все – со свежими ожогами на месте правой груди! словно первая ночь была как бы пробной, пристрелочной – только восемь выжиганий, но зато уже во вторую ночь – двадцать шесть, в третью – сорок, в четвертую – тридцать семь, а в ночь на сегодня – сорок девять! И каждая из пострадавших – молодая одинокая белая женщина из среднего и выше среднего класса. Ист-Сайд, Ривер-Сайд, Гринвич-Виллидж, Баттэри-Таун – самые престижные районы Манхэттена. У всех – квартиры или студии в домах с круглосуточной охраной или с системой полицейской тревоги. Но даже тщательный обыск этих квартир опытными детективами и экспертами полиции и ФБР не дал никаких результатов – ни следов преступников, ни отпечатков их пальцев. И собаки оказались бессильны – во всех 160 квартирах они не нашли ничего подозрительного, разве что пару дюжин крохотных пакетиков кокаина и марихуаны. Хотя одеяла, которыми по ночам укрывались женщины, оказались действительно с прожженными дырами. Марк, которого вместе

с пятью десятками манхэттенских агентов бросили в это дело еще позавчера, собственноручно упаковал два таких одеяла в пластиковые пакеты и отправил в лабораторию на химический и спектральный анализы. Впрочем, врачи манхэттенского медицинского центра «Маунт-Синай», где проходят осмотр все жертвы этой мистической эпидемии, поставили диагноз и без лабораторных анализов: ожог раскаленным предметом. А заключение лаборатории ФБР подтвердило этот вывод научно: все одеяла прожжены металлическим тавром размером с серебряный доллар.

Но даже при наличии научных анализов – что делать?

3 октября, когда сообщение о первых восьми ожогах вырвалось по двенадцатому телеканалу в утреннем выпуске новостей (а как удержишь? у журналистов в полиции свои осветители, да и в больницах любой врач и медсестра просто мечтают появиться на телеэкранах!), так вот, в первый день нью-йоркская публика отнеслась к этой новости скептически. Выжженная грудь?! Ерунда! Если это не очередная дурацкая утка таблоидов, то новое извращение мазохисток. На кого это могло произвести впечатление? Люди давно привыкли к телевизионным ужасам куда страшнее – серийным убийствам, изнасилованиям, пыткам заложников, взрывам посольств, замерзающим детям в Боснии, ходячим скелетам в Сомали и трупам, сброшенным в шахты Хорватии. Каждый день журналисты крутят перед телезрителями земной шар и показывают им, где еще наша прекрасная планета вспучи-

лась извержением ненависти и зверства. Люди видят это на завтрак, на обед и на ужин. Смотрят и... переключаются на другой канал. И только когда журналисты – все вместе и сразу по всем телеканалам – обрушивают на публику горы трупов или толпы голых детских скелетов со вспученными от голода животами, люди вытаскивают чековые книжки, отсылают чек в пользу жертв очередной катастрофы и – забывают о ней.

Потому что у каждого своя жизнь, свои раны и свои личные катастрофы.

Короче, первые сообщения о грудных ожогах на Ист-Сайде не произвели на ньюйоркцев никакого впечатления. Но когда на следующее утро еще двадцать шесть молодых женщин были доставлены в «Маунт-Синай Медикал-центр» со жжеными ранами вместо правой груди, дневные таблоиды тут же вынесли эту новость на первые страницы:

34 ВЫЖЖЕННЫЕ ГРУДИ ЗА ДВЕ НОЧИ — МИСТИКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

ГДЕ МОЯ ГРУДЬ?!!

и

**ПОСЛЕ ВЗРЫВА ВСЕМИРНОГО
ТОРГОВОГО ЦЕНТРА – НОВЫЙ ТЕРРОР
НА ИСТ-САЙДЕ!**

Однако «серьезные» «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл» и национальное телевидение еще молчали. Они

изучали, насколько эта новость реальна и – главное – достаточно ли она солидна для их уровня. Потому что одно дело взрыв во Всемирном торговом центре, гибель принцессы Дианы, авария на русской космической станции «Мир» или очередной теракт палестинцев в Израиле, и другое дело – какие-то отвратительные выжигания грудей. Каждый из трех самых знаменитых ведущих вечерних теленовостей ревниво выяснял, снизойдет ли его конкурент на другом телеканале до столь «низкопробной» новости. И так бы и тлели эти происшествия в разряде сомнительных, если бы вечером 4 октября не произошло нечто из ряда вон выходящее.

А произошло вот что. Рон Питтерс, знаменитый ведущий теленовостей Второго телеканала, выяснив буквально за минуту до своего выхода в эфир, что два его конкурента на Третьем и Первом каналах воздерживаются от сообщений насчет выжженных грудей, тут же выбросил из своей программы эту, как он выразился, «сомнительную дешевку». И вдруг его партнерша Лана Стролл, та самая знаменитая Лана Стролл, которая всегда заменяет Питтерса во время его отпусков и поездок в горячие точки планеты за специальными репортажами, – эта самая Лана вдруг разразилась истерикой. Прямо в студии.

– Ах, дешевка! Ты называешь это дешевкой? – закричала она, в бешенстве рванула на себе платье и показала Рону и всей студии свежий багровый ожог на месте своей правой груди. – Смотри! Это дешевка? Я ношу эту дешевку третий

день!

Через несколько секунд, когда телекамеры уже вынесли ее рану в эфир, Лана пожалела о своем порыве. Но было поздно – от Нью-Йорка до западного побережья миллионы женских глаз уже были прикованы к телеэкранам. А Рон Питтерс брал у Ланы самое сенсационное интервью сезона – тут же, *alive*, в прямом эфире.

– Как это случилось, Лана?

– Так же, как у других. Во сне! – рыдала она.

– Ты была одна?

– Конечно, я была одна! Ты же знаешь, что я разошлась с мужем шесть лет назад!

– И как это случилось? Что ты видела?

– Сноп света. Яркий луч откуда-то сверху, из космоса. И в нем летела эта раскаленная печать. Прямо в меня. И прожгла мне грудь...

– И поэтому ты два дня не выходила на работу?

– Да.

– Но почему ты не заявила в полицию?

– Потому что я не хотела *такой* известности!

Оторопь – вот слово, которое лучше всего передает состояние Нью-Йорка в эти минуты. Еще не ужас и не страх, еще никто не верит в реальность такой же угрозы для себя, для своей сестры или дочки, но... В квартирах, в домах, в кафе, в барах люди прерывали разговоры и с недоумением вглядывались в экраны: что? неужели Лана Стролл – тоже?! Так *это*

– правда? Это – *всерьез*? Нет, не может быть! Сейчас Лана рассмеется и скажет, что это «practical joke», мистификация и пародия на таблоидные сенсации.

Однако уже другие сюжеты – про землетрясение в Италии, «нечистые» методы сбора средств на избирательную кампанию президента и т. д. и т. п. – сменили первый сюжет, а никто не спешил разуверить публику в достоверности этих странных ожогов у семидесяти четырех, нет, теперь уже – у семидесяти пяти женщин! Больше того, теперь никто толком не знал, сколько же на самом деле женщин подверглись такой экзекуции. Одна ли Лана Стролл скрыла свой мистический ожог от полиции или еще дюжины? Сотни?

Женщины в недоумении хлопали ресницами, мужчины чесали затылки, подростки при слове «грудь» ухмылялись скабресными улыбками, а на 18-м и 19-м этажах высотного здания на Федерал-Плаза воцарилась та напряженная и озабоченная тишина «накопления информации», которая появляется в ФБР при кризисах национального масштаба. Когда в вашем городе кто-то еженощно выжигает груди десяткам женщин, а у вас нет даже малейшего следа преступника – это ли не кризис? И конечно, первое, что приходит в голову, – НЛО, инопланетяне, голливудский ужас в реальной жизни...

Но даже и в этой обстановке преждевременным и странным прозвучал телефонный звонок, раздавшийся в кабинете Джеймса Л. Фаррона сразу после вечерних теленовостей.

– Кто? Кто? – изумленно переспросил он у телефонной

трубки.

Ему не ответили. Там, на том конце провода, в Вашингтоне, секретарь Первой леди уже переключил его на хозяйку, и Джеймс услышал хорошо знакомый голос жены президента:

– Джеймс, что там у вас происходит в Нью-Йорке? Неужели это все – правда?

– Да, мэм.

– Я думаю, вам понадобится наша помощь. Я имею в виду, моя и мужа.

– Я не откажусь, мэм. Спасибо.

Через час в его офис начали прибывать бригады руководящих работников ЦРУ, Агентства оборонной разведки и Службы космического слежения.

2

Катрин Хилч (32 года, одинокая, шатенка, глаза серые, рост 154, адрес: 66-я Восточная улица, 43, кв. 67) всегда ходила на работу пешком. Всего один квартал на восток до Мэдисон-авеню и восемь кварталов вниз по Мэдисон до «Блу тауэр» (Голубая башня) – в любую погоду это была легкая утренняя прогулка с небольшой и тайной игрой по дороге. Если на пути от дома до офиса Катрин не удавалось насчитать хотя бы пяти восхищенных мужских взглядов, задержавшихся на ее кукольно красивом личике, это означало, что сегодня она выглядит ужасно. Но, слава Богу, таких дней почти не было. В девять ноль-ноль Катрин поднималась лифтом на 32-й этаж «Блу тауэр», в редакцию журнала «Стиль и дизайн», где работала редактором. Конечно, денег эта работа давала немного, всего 570 зеленых в неделю, но выручал отец. Это он купил Катрин студию в Манхэттене, каждые два года обновлял ей «ауди» и подбрасывал пару тысяч на одежду в Рождество и в день ее рождения. Для хирурга «Лонг-Айленд госпитал» с доходом 370 000 в год это было необременительно. А на все остальное Катрин зарабатывала сама и не искала место прибыльнее – работа в журнале доставляла ей море удовольствия. Всегда в вихре нью-йоркской жизни, среди энергичных, талантливых, остроумных и прекрасно одетых молодых архитекторов, художников, фотографов

и дизайнеров. Правда, сама Катрин не была ни художницей, ни дизайнером, а только литературным редактором, но зато – с дипломом Йельского университета, прекрасной фигурой и с идеальным для редактора умением упрощать самые, казалось бы, неупрощаемые пассажи в статьях именитых авторов.

Короче, все было замечательно в жизни Катрин Хилч, за исключением того, что все ее серьезные и более-менее длительные романы (не так много, всего четыре!) выпали на мужчин женатых. Блистательных, талантливых, остроумных, светских, интеллигентных, тонких, преуспевающих в своем бизнесе, нежных и неукротимых в постели, но... женатых, черт бы их побрал! Правда, все четверо клятвенно заверяли Катрин, что вот-вот разведутся. Но это «вот-вот» длилось в первом случае два года, во втором – полтора, а в третьем – почти четыре! А потом каким-то непостижимым образом там, в той семье, у законной жены «случайно» родился ребенок, и смущенный отец разводил руками: «Извини, дорогая, я даже не могу представить, как это случилось! Но ты же понимаешь: ребенка она мне не отдаст, а уйти... Нет, от ребенка я не могу уйти! Давай все оставим как есть. Пока, на время...»

Ну а последний ее избранник оказался просто подонком. Блистательным, нежным, интеллигентным и аристократичным подонком. Прожив с Катрин два года, он действительно развелся со своей женой и тут же, назавтра, женился на

внучке сенатора Патрика Ллойда. И укатил в Вашингтон.

После этой шутки судьбы Катрин сказала себе: все, точка, никаких женатых, пусть это даже сам Дональд Трамп! Ну а если честно, она впала в депрессию. Она стала бояться всех этих блистательных, остроумных, талантливых, светских и интеллигентных мужчин из ее окружения в «Стиле и дизайне». Ее больше не смешили их шутки, она не верила их комплиментам и не отвечала на их пассы. Она стала искать кого-то попроще, заземленнее, надежнее. Такого, как ее отец. Но в «Стиле и дизайне» и в окружающем этот журнал мире выставок, презентаций и вечеринок не было ни холостых хирургов, ни сорокалетних адвокатов. И Катрин вдруг обнаружила, что в тридцать два года, в том возрасте, когда все ее школьные и университетские подруги уже родили по второму или даже по третьему ребенку и живут хлопотной семейной жизнью, она – одна! Одна в Манхэттене! До ближайшего человека, который ее действительно любит, – до ее отца – больше часа езды!

Она пробовала занять свои вечера чтением, потом стала сочинять роман, но через неделю бросила. Черт возьми, ей уже 32 года, она не может терять время на эту писанину! Однако не идти же ей – ей, принцессе «Голубой башни»! – в Single's bar, Бар одиноких! К тому же те, кто ей нужен, – серьезные врачи, адвокаты, бизнесмены – они тоже не ходят в уличные бары. А куда они ходят? В спортивные клубы? Но потеть каждый день по полтора часа в «Клубе здоровья»

в ожидании, когда какой-нибудь потный мужик скажет тебе: «Привет, как тебя зовут, крошка?» – извините, до такой пошлости она не опустится! Обратиться в бюро знакомств? «Знаменитая сваха Марта Грей обладает самой большой в Нью-Йорке картотекой одиноких адвокатов, врачей и бизнесменов, мечтающих связать свою жизнь с женщиной, достойной их интеллектуального и социального уровня...» Бррр! Можно себе представить этих импотентов, которые сами не в состоянии были закадрить девку ни в колледже, ни в университете, ни даже среди своих клиенток! Нет, к черту бюро знакомств, это тоже ниже ее достоинства!

Но с другой стороны, стоять каждый вечер у окна своей студии и, глядя на 66-ю улицу, пить водку с апельсиновым соком – одной! – это можно? Три недели назад она дошла до того, что стала покупать журнал «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и читать страницы «Strictly Personal» – «Сугубо личное». Впрочем, сама она, конечно, не станет давать такие идиотские объявления, как «Pretty, witty, leggy and sexy blond leaving September 14th for romantic night with you» («Приятная, умная, длинноногая и сексуальная блондинка резервирует четырнадцатое сентября для романтической ночи с тобой») или «Beautiful, Slender, Sweet Manhattanite desires family-oriented professional to share love and laughs forever» («Прекрасная, стройная, сладкая манхэттенка жаждет ищущего семью профессионала, чтобы разделить с ним веселье и вечную любовь»). И она не станет

отвечать на зазывные мужские объявления типа «Successful Wall Street Executive is looking...» («Преуспевающий руководитель фирмы на Уолл-стрит ищет...») или «Tall Handsome Lawyer» («Высокий симпатичный адвокат»).... Впрочем, это любопытно. «Tall Handsome Lawyer – New to New York – 37, succesful, down-to-earth, Yele-educated, athletic, supportive, reliable» («Высокий симпатичный адвокат – новичок в Нью-Йорке – 37 лет, преуспевающий, земной, с йельским образованием, спортивный, надежный, отзывчивый и способный помочь...»). Черт возьми, да ведь это как раз то, что она ищет! Земной, надежный, 37-летний адвокат с йельским образованием! Почему не попробовать? Ради шутки – попробовать, а? «Photo/note/phone. Mailbox 2214» («Фото/письмо/телефон. П/я 2214»). Гм...

Посмеиваясь сама над собой, Катрин быстро – пока не передумала – открыла один из пяти своих фотоальбомов, тут же наткнулась на свою лучшую фотографию (в полный рост, на лыжах, в Вермонте, смеющееся лицо, волосы распущены и приснежены – короче, первый класс!). Правда, рядом стоит этот подонок Рик, который бросил ее ради дочки сенатора, но она отрезала Рика к чертям собачьим, а на обороте своей половины фотки написала просто и коротко: «Достаточно ли я хороша для преуспевающего адвоката? Йельски образованная Катрин, тел. (212) 688-76-55». И тут же выскочила из дома за продуктами в соседний «Эмпориум фуд», а по дороге отправила письмо в журнал «Нью-Йорк, Нью-Йорк»,

на почтовый ящик «Высокого симпатичного адвоката».

Она была уверена, что через пару дней он позвонит. Еще бы! Ей, Катрин, принцессе мэдисонской «Голубой башни»! Ну если не через два дня, то через три – как только из журнала перешлют ему ее фотографию. Она уже строила планы, как будет показывать ему Нью-Йорк, где она родилась и выросла, и рассказывать об архитекторах, построивших музей Гуггенхайма, Рокфеллеровский центр, собор Святого Патрика, Публичную библиотеку, Тайм-сквер...

Но никто не позвонил ей ни через три дня, ни через пять, ни даже через неделю!

И это ее доконало! Если какой-то ничтожный провинциальный адвокат, только что приехавший в Нью-Йорк, пренебрег ею...

Когда и через неделю ее автоответчик не зарегистрировал никаких звонков, Катрин решила, что все, хватит, сегодня же вечером она пойдет в «Белый попугай» или в «Яблоко Евы», напьется там до чертиков и – гори все огнем! Даже если ее подцепит какой-нибудь лысый еврей, она не откажет. Лишь бы у него не оказалось СПИДа...

Но внезапная мигрень разрушила эту затею. Вообще-то мигрени случались у Катрин и раньше, особенно при периодах, но не такие сильные, как в этот вечер. К тому же до периода было еще две недели, так что эта мигрень была совершенно неожиданной и какой-то не такой, как всегда. Тупой, что ли? Навязчивой? Словно что-то сжало ей голову,

придавило тело и сковало движения, заставляя не двигаться, лечь в постель... Пришлось отменить поход в «Белый попугай» (черт с ним!), принять тайленол (который не помог), посмотреть телевизор (сплошная муть, хотя и кабельное телевидение!) и лечь спать в десять тридцать. Интересно, что, несмотря на мигрень, она заснула почти мгновенно. Но потом...

Господи! Потом был весь этот ужас – узкий алый луч из космоса и летящая по этому лучу раскаленная печать. Прямо к ней, спящей и оцепеневшей от страха. Словно ты видишь, как в тебя выстрелили и как пуля летит в твою грудь – неотвратно, стремительно. А ты не можешь и пальцем шевельнуть, не можешь уклониться, спастись, защититься. А раскаленная печать легко проходит сквозь крышу твоего дома, потом сквозь чужие квартиры, потолки и полы и – кометой прожигает твое одеяло и грудь! Адская боль, разламывающая мозги... твой собственный крик – немой, как под водой или в немых кинофильмах... запах горящего мяса и – снова сон, будто тебя накрыли подушкой или опустили под воду. Только теперь эта вода – не глухая и не тяжелая, а целебная, заживляющая раны, бодрящая. И утром – никакой боли, но вместо правой груди – это пятно ожога, которое никто из врачей не может ни объяснить, ни понять. И которое так быстро исчезает, что даже удивительно. Кожа высветилась, подтянулась, и – самое интересное – спустя четыре дня Катрин показалось, что левая грудь стала наливаться и

крепнуть, как при сильном возбуждении. Впрочем, почему же *как* при возбуждении? Возбуждение реально и еще какое! Даже дыхание перехватывает! И сосок торчит так, что хочется самой дотянуться до него губами...

Да, если первые три дня Катрин была в шоке, с ужасом разглядывала себя в зеркале, думала о самоубийстве, следила за сообщениями о новых ожогах, а на работе избегала сочувствующих взглядов коллег, которые обращались с ней столь осторожно, словно ее переехала машина, то на четвертый день ее вдруг совершенно перестали интересовать эти разговоры об инопланетных пришельцах-палачах, статистика их новых жертв и вообще вся эта муть под названием «ню-йоркская грудная лихорадка». Она даже начала испытывать тайное превосходство над этими миллионами ню-йоркских женщин, которые каждую ночь трясутся от страха в ожидании ожогов. Словно она уже вышла из зоны обстрела и оказалась в другой, безопасной зоне, где какая-то странная сила подняла и напружинила ей левую грудь, развернула плечи, сделала ее взгляд дерзким и острым, а походку – уверенной и стремительной. И теперь не она, а мужчины стали отводить глаза при встрече с ее глазами. Но – тут же и возвращались взглядами к ее фигуре. Катрин и раньше никогда не носила бюстгалтеров, считая, что ее грудь не нуждается ни в каких подпорках. Правда, на второй и на третий день после того ужасного исчезновения правой груди она, отправляясь на работу, все-таки надела лифчик, заполнив ватой пустоту

в правом колпачке. Но это было глупо и унижительно, все равно все – даже прохожие на Мэдисон-авеню – знали, что там, справа, у нее ничего нет. Или ей казалось, что вся Мэдисон-авеню пялится на нее, когда она идет на работу? Нет-нет, это так и было! Ведь газеты, радио и телевидение уже круглые сутки кричат о новых жертвах космических ожогов, и, конечно, все мужики теперь пристально всматриваются в фигуры встречаемых женщин. Особенно тут, на востоке Манхэттена.

Однако на четвертый день Катрин не надела бюстгальтер. И не потому, что он, к ее изумлению, стал ей тесен. А потому что вообще – ну вас всех к черту! Прохожих, пялящих на нее глаза, сотрудников редакции, обращающихся с ней как с больной СПИДом, ученых, с умным видом разглагольствующих по телевизору о «лучах из космоса», и следователей ФБР и Секретного сервиса с их телефонными звонками и дурацкими вопросами, не вспомнила ли она еще что-нибудь из событий той ночи... Да, к черту вас всех! То, что у нее есть – ноги, задница, шея и полубюст, – вот оно! А чего нет – так и нет, и горите вы все голубым огнем, если вас это шокирует! Вчера Катрин даже нарочно надела блузку, которая обтянула ее так, что левая грудь просто торчком выперла на фоне совершенно плоской правой половины торса.

И тут это случилось. Буквально на второй минуте ее пути на работу Катрин обнаружила, что на всей Мэдисон-авеню нет мужика, который не оглянулся бы ей вслед. Да, имен-

но ей, Катрин, а не какой-то грудастой девице с двумя пышными сиськами за пазухой! Спешившие на работу молодые клерки, бизнесмены в своих авто и лимузинах, шоферы такси, продавцы газет и горячих «хот-догс» – все поворачивали головы ей вслед, и при этом вовсе не жалость к ней, «инвалидке» и «жертве», была в их глазах. А – оторопь. Словно своим демонстративным, с обтянутым полубюстом, выходом на Мэдисон-авеню, как на авансцену нью-йоркской жизни, Катрин бросила вызов не только тысячелетнему стереотипу мужского представления о женской красоте, а потрясла его. Потрясла настолько, что, придя в себя, эти же мужики выражали свои ощущения с запоздалой, но типично мужской прямолинейностью.

– Фью-и-фить! – присвистывали одни.

– Ни фига себе! – бормотали другие.

– Ву-а-ля! – восхищенно цокали третьи.

Катрин шла по Мэдисон-авеню, как кинозвезда. Утреннее солнце «индейского лета» и жаркое мужское внимание заливали ее тело такой сексуальной энергией, что, казалось, эта энергия лучилась вокруг нее, как нимб, и волнами катилась перед ней вниз по авеню, заставляя даже идущих далеко впереди мужчин тревожно оглядываться, а потом, увидев Катрин, хлопать своими дурацкими и еще ничего не понимающими глазами. И – замирать на месте...

Никогда прежде, даже на рождественском конкурсе красоты в «Блу тауэр», Катрин не испытывала такого головокру-

жительного успеха.

– Шик!

– Cool!

– Отпад!

Но – это было вчера, четвертого октября. А сегодня густой серый дождь накрыл город. Плащи скрыли женские фигуры. Зонтики и стекающие с них потоки воды отгородили людей друг от друга. И Катрин опять превратилась в ordinary прохожую, до которой никому нет дела. Но наверно, когда она добежит до «Голубой башни», там, внутри здания, все изменится. Еще в вестибюле она снимет плащ, и все это похотливое мужское стадо тут же свернет себе шеи, а их взгляды будут опять пожирать ее вызывающе одногрудую фигуру. А наверху, в «Стиле и дизайне», мужчины под любым предлогом будут, как вчера, тормозить у ее стола, нести всякую якобы остроумную чушь (старательно избегая темы космических ожогов), а сами – пялиться своими жадными зенками на ее левую грудь с торчащим, как острый ниппель, соском. Господи, как она презирает их всех! Презирает и хочет...

Цоканье копыт по мостовой прервало ее мысли. Катрин замерла на месте. Вверх по авеню ехали два конных полицейских. Они были в сапогах, плащ-накидках и с пластиковыми обертками на фуражках. Но не полицейские заставили Катрин затаить дыхание, а их кони. Два крупных, каштановой масти коня, несколько тяжеловатых, но зато с такими широкими и мощными, как боевой панцирь, крупами! Высокие

сильные ноги, крутой изгиб шей, коротко стриженные гривы, уши торчком, влажные от дождя морды, сливовые глаза, пар из ноздрей.

Катрин никогда так пристально, в упор не рассматривала лошадей. И никогда не сидела на лошади, хотя этот подонок Рик несколько раз уговаривал ее поехать в конюшни парка Ван-Кортланд, где его родители держали какого-то немислимого арабского скакуна. Но скорее всего это был типичный для Рика треп – арабский скакун наверняка оказался бы старой клячей. И вообще Катрин была равнодушна к лошадям. По семейной легенде, ее отец в детстве, восьмилетним мальчиком, занимался конным спортом, но однажды его тихая учебная лошадь без всяких причин понеслась галопом, сбросила его, он упал и сломал себе ногу. Нога, конечно, срослась, но с тех пор отец не подходит к лошадям, а уж посадить на лошадь единственную дочь – об этом не могло быть и речи! Девочкой Катрин умоляла его купить ей хотя бы пони, ведь почти у всех их соседей в Лонг-Айленде, пригороде Нью-Йорка, есть настоящие лошади! Но вместо коня отец купил ей добермана, потом попугая величиной с орла, потом – двух павлинов, а потом... Потом и лошади, и павлины перестали интересовать Катрин, потому что ей исполнилось четырнадцать лет и ее стали интересовать совсем иные твари.

Но теперь Катрин вдруг увидела и почувствовала, что лошадь – это не просто красивое и мощное животное, пригод-

ное для верховой езды. Это еще что-то. Что-то притягивающе родное и близкое. Как родственник, потерянный в раннем детстве и неожиданно возникший из небытия.

Катрин стояла на тротуаре, глядя вслед полицейским и слушая удаляющийся цокот копыт по мокрому асфальту.

А затем повернулась и стремительно пошла домой. Она точно знала, чего она хочет, это было сильнее даже самого острого сексуального возбуждения, и никакие мысли о работе не могли остановить ее, вернуть в «Стиль и дизайн». Не поднимаясь в свою квартиру, она спустилась лифтом в гараж и уже через десять минут неслась в своей бежевой «ауди» вниз по Ист-Сайду, к Мидтаун-туннелю. Хотя «грудная лихорадка» уже заполнила основные нью-йоркские магистрали машинами с бегущими из города женщинами, в сторону Лонг-Айленда еще можно было проскочить. При въезде в туннель Катрин видела в руках у торговцев газет свежие «Пост» и «Дейли ньюс» с аршинными заголовками о новых жертвах ночных ожогов, но она даже не купила газету – ее это уже не интересовало. Уплатив за туннель, она прибавила газ и помчалась на восток по скоростному шоссе «Лонг-Айленд экспресс-уэй».

Вскоре ветер очистил небо впереди нее, сухое шоссе и яркое солнце встречали теперь ее машину.

Через сорок минут Катрин была на северо-востоке Лонг-Айленда, в графстве Саффолк, и перешла со скоростного шоссе на 25-ю дорогу. Она знала, что не застанет отца до-

ма, он уже вторую неделю на Гавайях, на медицинской конференции. «Папа, ну какие конференции длятся две недели?!» – «Нет, конечно. Конференция будет четыре дня, а потом я задержусь там, отдохну. Если ты не возражаешь». – «Отнюдь! Желая хорошо провести время!» Интересно, с кем он там отдыхает и почему скрывает это от нее, Катрин? Мать умерла восемь лет назад, он мог бы уже и открыто познакомиться Катрин со своей новой подругой. Но наверно, эта подруга так молода, что он просто стесняется. А с другой стороны, очень хорошо, что в эти дни он оказался на Гавайях и понятия не имеет о том, что именно его дочь – первая жертва этих мистических ночных ожогов.

Их старый-старый дом на Ваддинг-Ривер. Раньше, в детстве, он казался Катрин большим и солидным, как средневековый замок. Но, работая в «Стиле и дизайне», она поняла, что такое по-настоящему *большой* дом. А их двухэтажный домик на речке Ваддинг – это действительно старый дом, требующий серьезной реновации. Впрочем, сейчас ей не до сантиментов по поводу отцовского дома. Она тормознула на гальке у выцветшего парадного крыльца, взбежала к двери, открыла ее своим ключом, сбросила туфли, пробежала через холл наверх, в свою комнату, и стала переодеваться. Долой плащ, юбку и тонкую шерстяную блузку! Брюки, свитер, шерстяные носки, кроссовки и грубая куртка – вот что ей нужно.

Еще через десять минут ее «ауди» промчалась вдоль ред-

ких особняков и ферм на пустынной Вайлдвудской дороге и тормознула перед вывеской

JIM WHITE'S FARM. HORSES.

RENT, LESSONS, SAIBLES

(Ферма Джима Вайта. Лошади. Аренда, уроки, конюшни)

Семидесятилетний Джим Вайт с недоверием оглядел Катрин с ног до головы. Он не любил давать своих лошадей незнакомым людям. Правда, Катрин – дочка доктора, который три года назад удалил его сестре огромную опухоль в щитовидной железе, и с тех пор у сестры – никаких проблем!

– На сколько ты хочешь лошадь?

– На час-полтора.

– Я никогда не видел тебя на лошади. Где ты училась ездить?

– В Нью-Йорке, в парке Ван-Кортланд, – легко соврала Катрин.

– О'кей, пойдём посмотрим, что я смогу тебе дать.

Он пошел в конюшню, искоса наблюдая за идущей рядом Катрин. Не нужно быть экспертом-лошадником, чтобы определить, знает человек лошадей или не знает. Достаточно посмотреть, как этот человек реагирует на запах конюшни. Потому что как тут ни убирай и ни проветривай, а запах конюшни – это запах конюшни, а не духи «Элизабет Тэйлор». Лошади едят овес, а овес дает газы, simple like this – вот и все. А кроме того, лошади потеют, испражняются и т. п. И

непривычному человеку этот букет запахов шибает в лицо так, что поначалу никто не может сдержать гримасу, тем более – женщины.

К его изумлению, Катрин на подходе к конюшне вобрала в себя этот запах полной грудью, и лицо ее высветилось возбужденной улыбкой. Джим успокоился. Только настоящие лошатники могут так неподдельно радоваться встрече с лошадьми. Но конечно, на первый раз он даст ей Гнома или Богему – самых спокойных и старых.

Он вошел в конюшню и сказал:

– О'кей, у меня тут двадцать лошадей. Правда, пять не моих...

И – остановился, потому что Катрин уже не слушала его. Она пошла вдоль стойл – медленной и словно замороженной походкой. Странный шум заполнил ей голову. Наверное, так чувствует себя бывший военный пилот, оказавшись на аэродроме, где готовые к полету самолеты гудят турбинами. Катрин даже встряхнула головой, пытаясь сбросить это наваждение. Но нет, наваждение не исчезло. И кроме того, оно было приятно, оно наполняло ее кровь мощными потоками адреналина. Отличные ездовые лошади были перед ней. Конечно, она ничего не понимала в лошадях, но каким-то совсем нерациональным знанием она вдруг почувствовала каждого коня и каждую лошадь, мимо стойл которых она шла. И – что еще поразительнее – лошади почувствовали ее. Джим Вайт, потомственный лошатник, начавший ездить

верхом еще до того, как стал ходить своими ногами, сразу увидел, что между его лошадьми и этой Катрин возникло поле полного доверия. Кони всхрапывали ей навстречу тем добродушным всхрапом, которым встречали по утрам только его, Джима. Они тянулись к Катрин мордами, заигрываяще поводили ушами и передергивали шкурой, демонстрируя готовность ускакать с ней в любые дали. Молодая арабская кокетка Жасмин стала бить землю передним левым и задним правым копытами, так откровенно напрашиваясь и набиваясь, как проститутка на 42-й улице. А когда даже бешеный Конвой, драчун и гроза конюшни, еще издали приветливо заржал навстречу этой Катрин, у Джима просто челюсть отвисла от изумления.

– Где, ты сказала, ты училась езде?

Катрин, не ответив, дошла до конца конюшни и остановилась напротив стойла Конвоя.

– Этот. Я беру этого, – сказала она уверенно.

– Извини, – сухо ответил Джим. – Этот не для верховой езды. Я могу дать тебе вон того, Гнома. Или вот эту, Богему. В крайнем случае – Миста.

– Сколько? – перебила Катрин.

– Тридцать долларов в час. О'кей, для дочки доктора я могу...

– Я спрашиваю, сколько за этого? – снова перебила его Катрин, показывая на Конвоя. В ее голосе появились властные, стальные нотки.

– Я же сказал тебе: этого я не даю.

– Сто долларов в час. Седлай!

Джим посмотрел ей в глаза. Два прямых клинка встретили его взгляд, и он вдруг ощутил, что не может выдержать ее взгляда. Он отвел глаза, бормоча:

– Он псих. Он даже меня не слушает.

– Не теряй время! – уверенно сказала Катрин. И вытащила из кармана чековую книжку. – Тебе заплатить вперед? Дать задаток?

Сомнение вернулось к старику Джиму. Где, она сказала, она училась? Но с другой стороны, черт их знает в этом Нью-Йорке, он не был там уже лет тридцать – может, теперь там уже и за верховую езду берут деньги вперед?

Через несколько минут Конвой был под седлом. При этом он не взбрыкивал, не храпел и даже не пытался помешать Джиму затянуть сбрую. Но еще больше старый Джим изумился, когда вывел Конвоя из конюшни, – он никогда не видел, чтобы женщины так запросто подходили к незнакомой лошади, а уж тем более к этому гиганту! Чтобы они *так* брались рукой даже не за луку седла, а за гриву коня и легко, не упершись и ногой в стремя, взлетали в седло. И уж конечно, он никогда не видел такой странной посадки. Вместо того чтобы тут же взять поводья, натянуть их и одновременно хлопнуть коня по шее, дружески, но жестко показав ему тем самым, кто тут кого контролирует, Катрин просто нагнулась через седло, обняла Конвоя за шею, а потом резко встала в

стременах и сжала коленями его бока. Конвой заржал, но не злобно, а – черт бы его побрал – весело! Словно расхохотался. И – загарцевал, затанцевал от радости.

Джим даже приревновал его к этой Катрин.

– Не больше двух часов! – сказал он.

Катрин не ответила. Подобрал поводья, она уже выезжала с фермы, и Конвой сам свернул на север, к океану, точнее – к желтеющему прибрежному лесу, через который шла конная тропа.

Старый Джим проводил их взглядом. Нет, не понравилось ему, как эта Катрин сидит в седле. Такой посадке не могли научить ее в Нью-Йорке и вообще – нигде. Потому что было в этой посадке что-то не клубное, не светское, не аристократическое и не английское. Дикое что-то в этой посадке, запоздало подумал Джим и даже хотел окликнуть эту Катрин. Но...

Конвой уже нырнул под кроны Норс-Хилл-Форест – Леса северного склона и исчез за деревьями.

Джим почесал затылок, посмотрел на часы и пошел в конюшню. Было 10.48 утра. В конце концов, за сто долларов в час пусть она ездит хоть задом наперед.

Через час рыбаки графства Саффолк видели с моря странную картину. По пустынным пляжам, вдоль самой кромки воды, на высокой крупной лошади скакала женщина с распущенными волосами. Конь стремительно нес ее на восток,

в сторону залива Меттитук. Океанская пена и мелкая прибрежная галька брызгали из-под его мощных копыт. Всадница, казалось, слилась с лошастью, ее волосы развевались от встречного ветра.

– Она сумасшедшая? – сказал один рыбак, наблюдая за ней в бинокль с сейнера, ставившего сети на тунца. – По песку! Она же загонит лошадь!

Еще через час эту странную всадницу видели строители кондоминиумов на пляжах Пеконика и Ошен-Вью. Потом – рыбаки Нортон и Гринпорта, самых северо-восточных поселков Лонг-Айленда.

После этого ее не видел никто.

В 16.25 старина Джим Вайт позвонил в полицию и заявил о пропаже коня, которого в 10.48 утра взяла напрокат Катрин Хилч, дочка доктора Хилча из городка Ваддинг-Ривер.

И почти одновременно с ним, в 16.40, одинокий яхтсмен, проплывая в трех милях от Ориент-Шор, самой северо-восточной точки Лонг-Айленда, заметил на берегу большое скопление чаек, орлов и грифов, а когда он направил туда свой бинокль, то увидел лежащих на песке коня и женщину. По тому, как спокойно расхаживали птицы по крупу коня и по телу женщины, яхтсмен понял, что он должен немедленно связаться по радио с полицией.

В 17.05 патрульная полицейская машина города Ист-Марион прибыла на место происшествия. Тяжелый мертвый конь лежал на боку, прижав своим весом левую ногу мерт-

вой всадницы. Птицы уже обезобразили и лицо женщины, и морду коня и теперь вырывали и выклевывали у коня язык и гениталии...

В 17.39, когда «скорая помощь» доставила тело погибшей в больницу Ориент-Пойнта, врачи с изумлением обнаружили, что у нее нет правой груди и что смерть наступила вовсе не при падении лошади или шоке от перелома ноги, а *до* этого. И – главное – совсем по другой причине.

3

Нужно быть объективным: Нью-Йорк нелегко запугать, выбить из привычной колеи и заставить остановить круговерть колес бизнеса и развлечений. Как в 1993 году февральский взрыв Всемирного торгового центра в Нижнем Манхэттене не вызвал паники даже на 42-й улице, так и первые ночные ожоги женщин не произвели на Нью-Йорк никакого эффекта. И только на третий день, после появления на вечерних телеэкранах Ланы Стролл с ее плоским багровым пятном на месте правой груди и официальных сообщений о космических лучах, выжигающих по ночам женские груди, что-то стало меняться в городе. Он вдруг перестал быть мегаполисом, в котором двенадцать миллионов людей разрознены и не имеют никакого отношения друг к другу. Теперь какое-то тайное выжидание словно объединило его обитателей. Так учуявший опасность зверь замирает в ночном лесу. Так во время Второй мировой войны жители Лондона внутренне объединялись перед ночной бомбежкой.

Затаив дыхание, Нью-Йорк ждал наступающей ночи. Будет ли новая атака из космоса? Является ли это предвестником конца света, о котором предупреждал Нострадамус? Знаменитый телеведущий Рон Питтерс объявил, что остается в студии Второго телеканала на всю ночь, чтобы по «горячей линии» принимать сведения о новых ожогах. Его при-

меру тут же последовали «анкормэны» на других каналах, и даже Тэд Палл, ведущий общенациональной «Полуночной линии», самой серьезной и престижной передачи, объявил, что сегодня ночью он собирает в студии известных ученых и экспертов по связям с внеземными цивилизациями.

Между тем еще работали знаменитые нью-йоркские мюзиклы и еще в полную мощь сияла бродвейская реклама. Еще гремела музыка в дискотеках Гринвич-Виллидж и Вест-Сайда. Еще Курт Мазур дирижировал симфонией Бетховена в «Айвери-Фишер-Холл», и Лучано Паваротти пел в «Линкольн-центре». Гостиницы, рестораны, такси, кинотеатры, джазовые кафе, магазины, кабаре, торговые центры и закрытые элитные клубы – все работало, крутилось, звенело и сияло, совсем как раньше. И все же... Внутри каждого потребителя этих развлечений уже таилось жадное и знобящее любопытство: а что будет ночью? Падет ли и в эту ночь обжигающий космический луч на чью-то грудь? И если падет, то где? когда? на кого?

И особенно это интересовало только что прилетевших из Вашингтона сотрудников и руководителей Службы космического слежения, Агентства национальной безопасности и ЦРУ.

Конечно, многие жители Нью-Йорка еще шутили по поводу этих ожогов и с великосветским презрением отворачивались от научнообразных разглагольствований экспертов по «летающим тарелкам» и от вечерних выпусков городских

таблоидов, которые напрямую орали крупными заголовками:

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ КОСМОСА МЕТЯТ НАШИХ БАБ!

и —

БОЖЕ, ГДЕ МОЯ ГРУДЬ???

А также:

**Е.Т., GO HOME!
LEAVE MY BREAST FOR MY JONNY!**

(Пришелец из космоса, отправляйся домой!
Оставь мою грудь моему Джонни!)

Но на следующее утро даже самые крутые скептики первым делом, еще до утреннего душа, включили радио и телевизоры. И услышали:

«...еще 37 жертв мистического выжигания! Бригада наших телеоператоров всю ночь дежурила в «Маунт-Синай Медикал-центр», и вот самые последние новости. С пяти утра полиция начала доставлять сюда женщин, потерявших этой ночью правую грудь. К восьми утра их было уже 37! К сожалению, мы не имеем права показать их лица. Но нам удалось установить, что они, как и все предыдущие жертвы, – одинокие белые женщины в возрасте от 27 до 38 лет, из среднего и выше среднего класса. Каждая из них была в эту ночь одна в своей квартире и видела во сне летящий из космоса луч

и раскаленную печать, которая прожгла ей грудь. Хотя представители Агентства национальной безопасности отрицают появление над Землей инопланетян и применение ими какого-то нового оружия, независимые эксперты обращают внимание на то, что правительство всегда старалось скрыть от публики информацию о появлении НЛО. С другой стороны, если эти мистические ожоги действительно совершаются космическими пришельцами, совершенно непонятно, почему в качестве объектов атаки они выбрали именно этих молодых и одиноких белых женщин Манхэттена, что означает эта атака и как долго она будет продолжаться. Согласно сведениям городского департамента статистики, в Нью-Йорке проживает около трех миллионов одиноких женщин, из них почти миллион – в Манхэттене...»

Страх может заставить людей сделать то, что еще вчера казалось невероятным. 5 октября к полудню все дороги в Нью-Йорке оказались забиты так, словно к ночи действительно ожидалось нашествие марсиан. Потоки машин, такси, лимузинов и автобусов мчались по скоростным «Гранд централ», «Вест-Сайд экспресс-уэй», «Диган экспресс-уэй», «Эф-Ди-Ар» и всем остальным городским хайвэям и магистралям. Они рвались к аэропортам и вокзалам. Мэр города и комиссар полиции выступили по телевидению с призывом прекратить панику и сохранять спокойствие. По их словам, тщательное и глубокое сканирование воздушного и кос-

мического пространства над всем Восточным побережьем США, предпринятое со спутников и с земли мощными радарными Пентагона и Службы космического слежения, свидетельствует о том, что ни в земной атмосфере, ни в ближнем космосе нет никаких НЛО, «летающих тарелок» или других космических пришельцев.

Однако все призывы городской администрации к спокойствию и благоразумию уже не помогали. Десятки тысяч одиноких белых женщин спешно покидали свои квартиры и дома не только в Манхэттене, Бруклине и Куинсе, но даже в Нью-Рашеле, Скарсборо и прочих белых резервациях вокруг Большого Яблока. Они бежали из Нью-Йорка – кто во Флориду, Калифорнию или даже в Европу, кто – к своим родителям в их загородные виллы, а кто – к бывшим мужьям и любовникам. Управление полиции, памятуя о грабежах магазинов в Лос-Анджелесе, учиненных тамошней чернью во время последних городских беспорядков, срочно вызвало из отпусков всех полицейских и загроудило улицы Манхэттена усиленными патрулями. Частные агентства по охране офисов и квартир проводили дополнительные наборы охранников. В небе Манхэттена появились патрульные вертолеты, следящие за положением в городе. Выше них кружили АВАКСы, нацеленные своими радарными на космос.

Между тем к вечеру количество машин на улицах и скоростных шоссе Большого Нью-Йорка удвоилось и даже утроилось, вызывая многомильные пробки. Потому что на-

встречу потокам машин одиноких женщин, бегущих из города, катил поток машин с одинокими мужчинами, на которых в Нью-Йорке вдруг вспыхнул бешеный и вчера еще немислимый спрос.

Да, то, что раньше не могли сделать сотни бюро знакомств, семейных психиатров и церковных пасторов, вдруг свершилось само собой. В страхе перед очередной ночной атакой из космоса одинокие женщины ринулись вызванивать своих бывших мужей, брошенных любовников и отвергнутых ухажеров. Блюдами, доставленными из китайских ресторанов, наспех накрывались столы, зажигались свечи примирения, хлопали винные пробки, произносились нежные тосты и – неистовая, словно в последний раз, любовь сотрясала кровати и прочие ложа, давно забывшие звуки и запахи секса. Потом, иссякнув и ослабев, женщины забывались настороженным сном, не выпуская мужчин из своих судорожных объятий и, словно щитами, прикрываясь ими от раскаленной космической печати.

Конечно, телевидение и тут не упустило возможности превратить эту панику в прибыльное, как недавние похороны принцессы Дианы, телешоу. Прямо с хайвэев тележурналисты передавали интервью с застрявшими в пробках водителями:

«Куда вы едете, если не секрет?»

«В Манхэттен».

«К кому? К жене?»

«К бывшей подруге».

«Как давно вы ее не видели?»

«Два года».

«И что случилось сегодня?»

«Она позвала меня».

«Позвала – зачем?»

«Спасти ее от ожога из космоса».

«Значит, вы верите в эти космические выжигания?»

«Ну, я, может, и не верю... Но она боится».

«Означает ли это воссоединение? Вы поженитесь?»

«Кто знает! Я не смотрю так далеко. Я просто хочу ей помочь».

«Желаем удачи!»

Конечно, и Дэвид Леттерман, и Джон Лено, и другие короли вечерних развлекательных телешоу коршунами ринулись на эту тему, дающую безграничный простор для самых фривольных шуток и скетчей. Но порезвиться на этом поле им удалось только один вечер. На следующее утро даже самой легкомысленной публике стало не до шуток. К восьми утра еще сорок девять женщин с мистически выжженной правой грудью оказались в медицинском центре «Маунт-Синай», где их ждали целая бригада врачей и объединенная группа агентов ФБР, Секретного сервиса и Агентства национальной безопасности. Здесь же – но не внутри больницы, а на улице – дежурили сотни репортеров всех информационных служб мира, не говоря уже о десятках бригад амери-

канских телевизионных станций. И уже через час эти журналисты разнюхали и в срочных выпусках новостей вынесли на телеэкраны новую шокирующую информацию: из сорока девяти жертв прошедшей ночи семнадцать получили свои ожоги, находясь в постели **вместе с вызванными для защиты мужчинами!**

Именно эта новость дала последний толчок той безумной панике, которая впоследствии получила название

THE NEW YORK GREAT BREAST FEVER

или в переводе на русский:

ВЕЛИКАЯ НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ГРУДНАЯ ЛИХОРАДКА.

И в тот же вечер, в 18.45, Марк Аллей и еще около ста специальных агентов и экспертов ФБР, Секретного сервиса и Агентства национальной безопасности были вызваны на экстренное заседание в штаб-квартиру нью-йоркского ФБР на Федерал-Плаза, 28, которое вел сам Джеймс Л.Фаррон. Но вовсе не потому, что накануне ему звонила Первая леди или что семнадцать женщин получили в эту ночь ожоги, несмотря на присутствие в их постелях представителей сильного пола. А потому, что час назад Фаррон получил из Лонг-Айленда информацию, о которой еще не знали ни журналисты, ни Первая леди. И не дай Бог, чтобы узнали!

Несмотря на усталость, Марк Аллей ехал домой не по скоростным хайвэям «FDR» или «Вест-Сайд», опоясывающим Манхэттен с востока и с запада, а через даунтаун, центр города. Но не для того, чтобы развлечься, а в тайной надежде зацепить глазом что-то странное, необычное, что может иметь отношение к этим мистическим выжиганиям. Или – что было бы еще лучше – застать сам момент этого выжигания: какой-нибудь луч в небе или первый вскрик очередной жертвы ожога. Он знал, что с такой же миссией тут ездят, ходят, сидят в барах и в кафе еще несколько сотен рядовых и специальных агентов ФБР и Секретного сервиса. Сегодня к ночи их количество в Нью-Йорке утроилось за счет бригад, вызванных из Нью-Джерси, Филадельфии и Балтимора. Это позволило ФБР за пять часов после совещания у Джеймса Фаррона проделать гигантскую работу: практически все женщины, подвергшиеся космическим ожогам, были самым деликатным образом извлечены из их квартир и под предлогом медицинского осмотра и бесплатной компенсации за понесенную моральную травму отправлены в Покано, в горный санаторий, тайно превращенный за эти часы в медицинский изолятор. Марк сам принял участие в восьми таких замаскированных арестах и изумлялся, с какой доверчивостью эти женщины клевали на слова «компенсация

за моральную травму» и «бесплатная неделя в горном отеле всего в часе езды от Нью-Йорка». Между тем там, в Покано, этих женщин ждали серьезные медицинские и психиатрические обследования. Потому что информация, которую в этот день получил из Лонг-Айленда Джеймс Фаррон, превратила эту «грудную лихорадку» в нешуточную трагедию. Катрин Хилч, самая первая из известных полиции жертв космического облучения, была обнаружена мертвой на крайнем северо-востоке Лонг-Айленда, но, по заключению врачей, она умерла вовсе не оттого, что не смогла высвободить ногу из-под рухнувшего на землю коня. Она умерла *до* этого. Вскрытие показало, что во время бешеной скачки (она проехала сорок миль, хотя никогда до этого не сидела на лошади) у нее произошло бесчисленное количество оргазмов, и в результате перевозбуждения у нее лопнул сердечный клапан. Иными словами, она не только загнала могучего коня, но и себя довела оргазмами до смерти. Дикая и отвратительная история!

Однако это не все. Не успели два специальных агента ФБР вылететь вертолетом на северо-восток Лонг-Айленда, в больницу Ориент-Пойнта, чтобы любым способом заткнуть там все рты, из которых эта новость могла попасть в прессу, как поступили новые сообщения – на этот раз с юго-востока Лонг-Айленда и из соседнего штата Коннектикут. Судя по первому из них, в районе Нью-Хэмпшира, в океане в полумиле от берега вертолеты береговой патрульной службы обнаружили два трупа и тоже – лошади и женщины. И

эта женщина, Глория Розвелл, оказалась, как и Катрин Хилч, жертвой *первой* ночи космического облучения. Правда, вскрытие обнаружило, что смерть мисс Розвелл наступила не в результате сексуального перевозбуждения, а из-за переохлаждения в ледяной воде осеннего Атлантического океана, но что это меняло? Из восьми женщин, потерявших правую грудь в первую ночь облучения, две вдруг погибли или покончили с собой удивительно схожим образом: с помощью взятых напрокат лошадей!

А второе сообщение доставило новость еще драматичнее: всадница, которую охрана Коннектикутского национального парка пыталась задержать за незаконную верховую езду по аллеям парка, уходя от преследования, попыталась перескочить на лошади через ущелье, но рухнула вниз и разбилась насмерть. Нужно ли говорить, что и эта всадница, Сицилия Грин, была жертвой первой ночи космических ожогов?

Иными словами, налицо была эпидемия помешательства обожженных женщин на верховой езде. В сочетании с мистическими формами получения ими своих ожогов (и с не менее изумительной скоростью заживления этих ожогов) теория охоты инопланетян за молодыми белыми женщинами Нью-Йорка, которую раздували таблоиды, стала казаться далеко не фантастической даже прожженным скептикам из ЦРУ, Агентства национальной безопасности и Агентства оборонной разведки.

Изоляция жертв ночных космических атак в хорошо охра-

няемом горном санатории «Покано-Форест дрим» давала возможность подвергнуть их круглосуточному наблюдению и с помощью гипноза попытаться восстановить все подробности получения ими ожогов. А заодно гарантировала от роковых увлечений верховой ездой.

Параллельно с этой акцией на улицы ночного Манхэттена были брошены сотни полицейских патрулей и дюжины самых опытных агентов ФБР и Секретного сервиса. Но как радары Пентагона и НАСА не находили ничего необычного в космосе над Нью-Йорком, так и эти агенты тщетно искали на улицах ночного Манхэттена какую-нибудь странность или необычное происшествие. Город словно вымер. Поразительно, думал Марк, руля по пустынным Мэдисон- и Парк-авеню, какая, оказывается, огромная часть ночной городской жизни держалась на обслуживании одиноких женщин! Теперь, когда почти все они либо сбежали, либо сошлись со своими бывшими мужьями, любовниками и бойфрендами, в Манхэттене разом опустели не только бары, кинотеатры, рестораны, цветочные и книжные магазины, салоны красоты, торговые молы, концертные залы и музеи, но даже – спортивные клубы. Конечно, какие-то пары еще пытались вести прежний образ жизни: сидели в ресторанах или стекались в кинотеатры. Но из воздуха даунтауна вдруг исчезли флюиды флирта и то напряжение погони за счастьем, которое раньше подстегивало тут все и вся. Словно выключили над городом магнитное поле под названием excitement, возбуждение, и –

все рухнуло в скуку, обыденность и жевание стейков. Лишь в ночных барах несколько отчаянных женщин, глуша дринок за дринком, жались к малознакомым мужчинам, явно собираясь пересидеть тут ночь до рассвета...

Высокий молодой негр, продавец газет, выпрыгнул из темноты прямо перед машиной Марка и прилепил к стеклу его кабины ночной выпуск «Нью-Йорк пост» с огромным заголовком:

2000 ЛЕТ НАЗАД АМАЗОНКИ ТОЖЕ ВЫЖИГАЛИ СЕБЕ ПРАВУЮ ГРУДЬ!

– Последние новости! – доверительно сказал этот черный Марку. – Бабы выжигали себе сиськи еще две тыщи лет назад!

– Отвали! – вяло отмахнулся Марк и поехал дальше. Эту «новость» он знал уже как минимум двадцать четыре часа – с тех пор, как две дюжины профессоров истории из самых разных университетов страны сочли своим долгом сообщить необразованным олухам ФБР, что обычай выжигать девочкам правую грудь был у древних амазонок. И даже прислали факсами цитаты из Геродота, Страбона, Гиппократы, Диодора Сицилийского, Помпея Трога и еще каких-то древних авторов. *«Всем амазонкам в детстве выжигают правую грудь для того, чтобы они могли без помехи пользоваться плечом при метании копья»*, – писал Страбон. Правда, ни сам Страбон, ни Геродот, ни вообще кто-либо из этих древних ученых никогда не видел амазонок своими глазами, хотя искали

их по всему свету. Но даже если допустить, что две тысячи лет назад какие-то воинственные бабы действительно выжидали себе правую грудь, что из этого следует? Какое это может иметь отношение к нынешним жертвам?

Но с другой стороны, почему три из потерявших правую грудь женщин вдруг воспылали страстью к верховой езде? Слава Богу, об их смерти еще не знают журналисты! Можно представить, что начнется в прессе! «Космические амазонки арканят своих земных сестер!» и прочие глупости украсят газетные страницы.

Хотя – глупости ли это? Когда чему-то странному нет никаких реальных, земных объяснений, поневоле начнешь думать о всякой мистике...

Марк посмотрел на часы. Было 23.57. Иными словами, сегодня он отработал уже шестнадцать часов. Неудивительно, что мысли вяло крутятся вокруг одного и того же и что он уже второй раз проскочил на красный свет. Нет, пора ехать домой, спать.

Но сначала Марк все же подъехал к медицинскому центру «Маунт-Синай». У подъезда Emergency («Скорой помощи») стояли три «форда» с эмблемами ФБР, а рядом торчали унылые фигуры агентов ФБР и Роберта Хьюга, прямого начальника Марка. Они были готовы ехать с врачами по первому вызову очередной жертвы ночного облучения, но рядом с ними не было ни журналистов, ни телеоператоров. «Это хорошо, – подумал Марк, – это значит, журналисты еще

не знают о том, что сегодня случилось в Лонг-Айленде и в Коннектикуте».

Марк подъехал к Роберту Хьюгу, тот спросил:

– Есть новости?

– Нет, – сказал Марк.

– У нас тоже, – вздохнул Роберт.

– Как на кладбище, – добавил Алан Кенингсон, один из лучших агентов сектора контршпионажа. – Известно, что рано или поздно принесут новых покойников, но кого и когда – только Бог знает.

– Я еду домой, моя смена кончилась, – сказал Марк.

– Валяй, – кивнул Роберт Хьюг.

– Увидимся утром.

Марк пересек Центральный парк и покатил вверх по Бродвею. Но и тут, на западной стороне Манхэттена, было непривычно пусто и уныло. Словно за сценой опустевшего театра, среди безлюдных декораций. Марк разочарованно свернул к Гудзону, выехал на «Генри Хадсон Парк-уэй» и покатил на север. Слева, за рекой, светился Нью-Джерси. Там не было никаких выжиганий грудей, патрульных вертолетов, АВАКСов, и вообще там была нормальная человеческая жизнь. Только в этом ебаном Нью-Йорке каждый день черт-те что – то взрыв во Всемирном торговом центре, то мафиозная разборка с десятком трупов, то визит Ясира Арафата, то политическое убийство или всемирный съезд гомосексуалистов и лесбиянок.

Впрочем, сейчас самое главное – не заснуть за рулем. Марк включил радио. Машина тут же заполнилась голосами ночных радиокomentаторов. Какой-то остряк изгилялся по поводу возросшего спроса на мужчин и уверял слушательниц, что те мужчины, которые в прошлую ночь не смогли уберечь своих любовниц от потери правой груди, были просто импотентами. Бывший мэр Нью-Йорка Динкинс ехидно объяснял, что во время его правления подобные бедствия в городе не случались. Радио «Кристиан сайнт монитор» передавало молитвы. Марка не устроило ни то, ни другое, ни третье, и он нашел испанскую радиостанцию с какой-то неистойвой кубинской румбой. «Наверно, испанцы – самая здоровая нация в мире, – подумал Марк, – даже во время второго пришествия Христа и конца света они не перестанут танцевать и стучать каблуками». Он вывел звук на полную мощность. При такой музыке он наверняка не уснет за рулем.

И через десять минут он действительно без происшествий доехал до Ривердэйла, чуть ли не самого северного жилого района города, припарковал машину на улице и вошел в подъезд многоквартирного семиэтажного дома. Здесь, на втором этаже, он снимал небольшую квартиру с одной спальней. Окна этой квартиры выходили на запад, под ними были двор и стоянка для машин, а дальше, в просвете между соседними домами, были видны «Генри Хадсон Парк-уэй» и узкая полоска парка вдоль него. По этой полоске по утрам и вечерам соседи выгуливали собак.

Войдя в квартиру, Марк по привычке первым делом глянул на автоответчик. На индикаторе числа сообщений была цифра «1». Он нажал кнопку «play» и, сбросив пиджак на спинку стула, пошел на кухню, открыл холодильник. Хотя он не ел уже часов восемь, но есть не хотелось. А вот выпить пива...

– Hi, it's me! (Привет, это я!) – сказал у него за спиной автоответчик голосом, от которого у Марка разом подвело ноги. И продолжил по-русски: – Где ты шляешься? Неужели ты не понимаешь, как мне страшно быть сейчас одной?

Марк замер у холодильника, но сообщение кончилось, автоответчик умолк. Марк повернулся и медленно, словно к опасному зверю, подошел к нему. Он не верил своим ушам. Это галлюцинация, ОНА не могла ему звонить. На индикаторе числа сообщений вместо цифры «1» была теперь цифра «0». Конечно, ему померещился этот голос. Марк протянул руку, чтобы включить «gewind», перемотку.

Резкий телефонный звонок прервал этот жест. Марк взял трубку.

– Наконец-то! – тут же сказал по-русски все тот же женский голос. – Я уже думала, что ты никогда не придешь! Ты хочешь пиццу?

– А где ты? – спросил он осторожно и сам не узнал своего осипшего голоса.

– Я уже два часа сижу у тебя под окном. С этой чертовой пиццей. Я звоню из машины. Ты мне откроешь дверь, или

мне ночевать в машине?

Марк посмотрел в окно. Там, возле парка, какая-то громоздкая темная машина высветилась фарами и стала вырывать на проезжую часть.

Но, даже видя ее машину и слыша по телефону ее голос, Марк не мог поверить в реальность происходящего.

5

Это было семь лет назад. Марку было 27, и он только шестой месяц был в ФБР. Конечно, сначала его, лучшего выпускника славянского факультета Монтерейской школы иностранных языков, направили в Виргинскую школу ФБР и только потом – в управление «Си-Ай», в контрразведку. Но оказалось, что к разведке его работа имела такое же отношение, как к дрессировке крокодилов или к полетам на Марс. Марк и еще шесть свежих выпускников Монтерея и Виргинии должны были с утра до ночи обзванивать по телефону русских эмигрантов. «Мистер Гуревич, вас беспокоят из ФБР. Нет, не волнуйтесь, вы ничего не сделали. Просто мы знаем, что в России вы работали инженером (врачом, поваром, строителем, бухгалтером, учителем, продавцом, шофером и т. д.). Мы хотели бы поговорить с вами в удобное для вас время. Нет, спасибо, у вас дома это неудобно. Но мы можем поговорить где-нибудь недалеко от вас – в парке, в кафе. Когда мы можем встретиться?»

Русские эмигранты, привыкшие на своей родине воспринимать *все* просьбы государственных органов как приказы, никогда не отказывались от встречи с агентами ФБР. Наоборот, они спешили проявить свой новоамериканский патриотизм и настойчиво зазывали агентов ФБР «на чашку чая» в свои квартиры в Бруклине, в Верхнем Манхэттене и в Ку-

инсе. И с еще большим рвением выливали на этих агентов море правдоподобной, полуправдоподобной и совершенно неправдоподобной информации.

«Как? Вы не знаете, что в Кременчуге завод «Серп и молот» выпускает торпеды с ядерными боеголовками? Как вы можете этого не знать! Ведь с ваших спутников все видно! Конечно, формально завод делает велосипеды. Но разве вы не видите, в каких ящиках они отправляют продукцию? Нет, я на вас удивляюсь! Вы думаете, если Горбачев сказал «гласность», так они перестали делать атомные торпеды? Вы такие наивные, я даже не ожидал! А про наш подземный «почтовый ящик» вы тоже не знаете? Только не говорите, что его не видно с воздуха! А труба? Они из-за этой трубы перенесли гражданский аэродром на двадцать километров от города! Как это «что там выпускают»? Слушайте, мне становится страшно, куда я приехал! Вы же не знаете простых вещей! Из этой трубы идет такой желтый дым, что и ребенку ясно, что там выпускают. Паралитический газ, что же еще!»

После пяти месяцев ежедневного общения с русскими эмигрантами Марк обнаружил, что он даже по-английски говорит с одесским акцентом. И запросился на любую другую работу. И тогда Роберт Хьюг перевел его в команду наружного наблюдения. В этой команде было две сотни агентов, они «вели» дипломатов, журналистов и торговых представителей стран Восточного блока. Правда, для начала Марку не доверили слежку за красными дипломатами, а отправили в

аэропорт имени Кеннеди наблюдать за пассажирами, прибывающими самолетами компании «Аэрофлот».

И тогда-то это и случилось...

Плащ лежал на земле, на асфальтовой дорожке между зданием «Пан-Ам» и автобусной остановкой. Новенький темно-синий плащ с пояском и узкими лацканами. Маленький, petit, на миниатюрную фигурку. На правом лацкане значок компании «Аэрофлот» – серебристые крылья самолета, а между ними овал с изображением серпа и молота. Марк поднял плащ и посмотрел в сторону автобусной остановки. Скорее всего здесь только что прошла русская стюардесса. Прилетев из холодной России в жаркий Нью-Йорк, она сняла с себя плащ, положила на свой передвижной, на колесиках, чемодан или на багажную тележку и обронила по дороге к автобусу. И этот автобус увез ее – на автобусной остановке нет никого, значит, автобус только что ушел, а на стоянке такси шоферы, разморенные жарой, дремали в кабинах своих желтых «шевроле». Впрочем, на такси она и не могла уехать. Русские никогда не берут такси, экономят валюту, и даже пилоты их самолетов ездят из аэропорта в манхэттенскую гостиницу «Ист-Гейт тауэр» (Башня восточных ворот), что на 39-й улице, каким-то допотопным, без кондиционера автобусом. Нужно вернуться в аэровокзал и отдать этот плащ в окошко «Лост энд фаунд» (потеряно и найдено). Или прямо в офис «Аэрофлота».

Марк попытался вспомнить бригаду советских стюардесс, которые прилетели сегодня. Но его пост был у стоек таможенного досмотра багажа, а русская команда прошла служебным ходом, там дежурил другой агент.

Тут рука Марка ощутила что-то твердое в кармане женского плащика, и он извлек из этого кармана длинный плотный конверт с эмблемой «Аэрофлота». Конверт не был запечатан, внутри его лежало несколько багажных бирок, какая-то «Ведомость» о получении 120 завтраков и 200 бутылок минеральной воды, таможенная декларация на имя Анны Журавиной и еще один конверт, поменьше – квадратный, почтовый и тоже незапечатанный. В этом конверте было письмо на листе линованной бумаги и блеклая полароидная фотография: юная девушка в форме советской стюардессы на фоне Эйфелевой башни. Письмо начиналось словами: «Дорогая мама! Хотела написать тебе из Амстердама, но девочки сказали, что почтовые марки здесь в пять раз дороже, чем в Нью-Йорке...»

Марк снова взглянул на фотографию. Чертовски симпатичная девочка! Блондинка, нежный овал простенького лица, открытая улыбка. Вернув письмо и фотку в конверт, он направился в здание вокзала, решая, куда же отдать этот плащ – в «Лост энд фаунд» или в «Аэрофлот»? Идти в «Аэрофлот» ему, агенту ФБР, конечно, нельзя, а додумается ли эта Анна Журавина обратиться в «Лост энд фаунд», неизвестно. Тем более что она наверняка только что уехала

из аэропорта...

И чем ближе Марк подходил к стойке «Лост энд фаунд», тем меньше ему хотелось вот так, анонимно расстаться с этим плащом. В конце концов, случайное знакомство с русской стюардессой – разве не так начинаются шпионские романы? А вдруг ему удастся завербовать ее? Конечно, нужно доложить об этой идее боссу...

Марк остановился в двух шагах от «Лост энд фаунд», круто повернулся и пошел обратно. Звонить Роберту Хьюгу сейчас бессмысленно, сегодня суббота, и Роберта нет в офисе, он скорее всего в своем яхт-клубе.

Марк вел свой старенький, 1980 года, «форд мустанг» сначала по хайвэю «Ван Вик экспресс», потом по «Гранд централ» и все думал, как же быть. Ждать до понедельника нельзя, эта стюардесса скорее всего завтра улетит. Звонить Роберту домой или в яхт-клуб через голову субботнего дежурного по конторе он тоже не может. А докладывать дежурному, что он нашел плащ красивой советской стюардессы и под этим предлогом хочет встретиться с ней и завербовать ее... О нет! Дежурный или посмеется над ним, или... Или они отдадут эту операцию «кому-нибудь поопытнее», и – гуд-бай, русская «блонди»! Так что же делать? Черт возьми, надо было отдать этот плащ в «Лост энд фаунд» и не морочить себе голову! Но теперь с полпути возвращаться в аэропорт глупо! Может, выкинуть этот плащ? Выкинуть и забыть? Но в России такой плащ стоит не меньше месячной

зарплаты этой девочки...

Не доезжая до аэропорта Ла-Гуардиа, Марк вильнул вправо и сошел со скоростной дороги на островок с телефонными аппаратами, тормознул у одного из свободных. В конце концов, у него кончился рабочий день, а что он делает после рабочего дня – это его личное дело! Разве не учили их в Виргинской школе ФБР проявлять инициативу в соответствии с обстоятельствами? И вообще хороший агент должен всегда иметь в запасе пару карт, о которых начальству неизвестно. Где он прочел это? У Лэдлэма или у Ле Карре?

Марк набрал 411 и спросил у оператора номер телефона гостиницы «Ист-Гейт тауэр» на 39-й улице. Он решил не впутывать свою контору в это дело. В «Ист-Гейт тауэр» «Аэрофлот» постоянно арендует несколько номеров для отдыха своих пилотов и стюардесс, и простой американец Марк хочет вернуть русской стюардессе потерянный ею плащ. Вот и все.

Однако, набрав половину телефонного номера «Ист-Гейт тауэр», Марк резко повесил трубку. Идиот! Что он делает? Ведь все телефонные разговоры русских в этой гостинице прослушиваются специальным оператором на Федерал-Плаза, именно на таких записях натаскивали их в русском сленге в Монтерейской лингвистической школе. Ну и устроил он себе ловушку!

Впрочем...

Он тронул машину и погнал в центр Манхэттена. Через

двадцать минут он был на 39-й улице и в потоке машин проехал мимо «Ист-Гейт тауэр». Агентов наружного наблюдения своей фирмы он тут не заметил, да и вряд ли его контрора ведет круглосуточное наблюдение за русскими стюардессами. Эти стюардессы скупают на Диленси-стрит дешевую косметику и чемоданами везут ее в Москву – вот и весь их бизнес в Нью-Йорке.

Однако на всякий случай он будет осторожен.

Марк проехал пять кварталов на запад и на углу Парк-авеню и 42-й улицы остановился у телефонного автомата. 687-8000. Телефонную трубку прикрою носовым платком, чтобы изменить голос.

– Отель «Ист-Гейт тауэр», добрый вечер, – прозвучал голос в телефоне.

– Добрый вечер. Могу я поговорить с Анной Журавиной, русской стюардессой?

– Один момент!

Так, сейчас в фирме включают аппарат опознания абонента. Но что они узнают? Что кто-то звонит русской стюардессе из телефонного автомата в районе центрального вокзала «Гранд централ стэйшен».

А вот и женский голос:

– Алло...

– Is it Anna Zhuravina? – сказал он по-английски.

– Who is it? – Ее «who» было типично русским, с жестким «h».

– May I talk to Anna Zhuravina, please?

– Why?

Черт, этого он не ожидал. Зачем он хочет говорить с Анной Журавиной? Конечно, у русских своя проверка. Какая-нибудь начальница, бригадир стюардесс, член коммунистической партии, короче говоря – гестапо. Но деваться некуда.

– Я нашел ее плащ, – сказал он по-английски. – Но мне было некогда отдать его в «Лост энд фаунд» в аэропорту Кеннеди, я отдам его в «Лост энд фаунд» на вокзале «Гранд централ стэйшен». Только пусть она поспешит забрать, а то они закрывают через пятнадцать минут. Вы понимаете по-английски?

– Yes.

– Пока! Я спешу! – Он повесил трубку, не ожидая ответа. Теперь часы пущены! У дежурного ФБР на Федерал-Плаза нет времени прислать людей к ее гостинице, но через пять минут кто-то из агентов уже будет возле стойки «Лост энд фаунд» на «Гранд централ стэйшен».

Марк прыгнул в машину, удивляясь, зачем ему все это нужно. Впрочем, еще не поздно просто вышвырнуть этот плащ в мусорную урну. Однако вместо этого он свернул с 42-й улицы на Вторую авеню и снова покатыл на юг, к 39-й улице. Конечно, сейчас эта Журавина выйдет из гостиницы под охраной целой команды русских. Как он мог забыть, что русские не ходят по Нью-Йорку в одиночку, а только втроем,

вчетвером, впятером!

Он свернул со Второй авеню на 39-ю улицу, снова проехал мимо гостиницы «Ист-Гейт тауэр» и прижался к тротуару, высматривая среди прохожих группу русских, которых он уже давно научился выделять среди американцев по одежде, походке и осанке. В конце концов он может дать им возможность уйти на «Гранд централ стэйшен», а затем зайти в гостиницу и «забыть» этот плащ в вестибюле.

Но где же эта русская бригада? Впереди их нет, а сзади...

Он посмотрел в зеркальце заднего обзора и не поверил своим глазам.

The Little Mermaid, маленькая русалка, вышла из стеклянного вестибюля «Ист-Гейт тауэр» и растерянно оглянулась по сторонам. О, конечно, это была Анна Журавина, но она была в сотню, в тысячу раз лучше, чем на блеклой полароидной фотографии! Марк никогда не думал, что вот так запросто на 39-й улице он лицом к лицу встретит ту, о которой мечтал с девятого класса. Да еще в форме советской стюардессы! Впрочем, врешь, Марк! Зачем ты врешь сам себе? Не потому ли ты учил русский язык, что еще в школе прочел «Войну и мир» Толстого и влюбился в Наташу Ростову?

Теперь, сидя в машине, он видел в зеркале заднего обзора, как эта Наташа Ростова и она же Одри Хэпберн из фильма «Война и мир» – живая, реальная! – идет к нему по 39-й улице. Нет, не к нему, конечно, а мимо него – к Третьей авеню, в сторону «Гранд централ стэйшен». Одна! Без всякой охра-

ны! Без гэбэшного эскорта! Идет, поглядывая на какую-то бумажку в руке, словно сверяя свое движение с планом или картой. Черт возьми, а если она сейчас увидит свой плащ в его машине? Спокойно, Марк, не сходи с ума! Пусть она пройдет. Нужно посмотреть, не ведут ли ее русские или свои же ребята из ФБР. Но нет, кажется, никто ее не ведет. Вот она подходит... Вот проходит мимо машины... Ей лет 18, от силы 19... И в руке у нее действительно рисунок на гостиничном бланке. Наверно, администратор гостиницы нарисовал ей, как дойти до «Гранд централ стэйшен», центрального железнодорожного вокзала.

Марк дал ей возможность пройти вперед, потом с трудом оторвал взгляд от ее стройной фигурки и глянул в зеркальце заднего обзора. Но никто не следил за ней – ни машина ФБР не отчалила от тротуара, ни русская фигура не возникла в двери отеля. *Гласность, перестройка, новое мышление*, вспомнил Марк лозунг нового русского лидера Горбачева. Он выждал еще минуту и тронул свою машину.

Что делать? Остановить ее сейчас или дать ей дойти до «Гранд централ»? Конечно, там легче разыграть случайную встречу, но зато там наверняка уже будет кто-нибудь из ФБР. Значит, нужно остановить ее до «Гранд централ»...

Но пока он думал, Журавина-Ростова вдруг свернула на север по Лексингтон-авеню. Марк выругал себя – по Лексингтон одностороннее движение, с севера на юг, сейчас он ее потеряет!

Марк рванул под красный светофор, чтобы объехать квартал по Мэдисон-авеню, с трудом протиснулся меж разгружающихся грузовиков, подрезал какого-то таксиста, но все зря – за пять шагов до поворота на Мэдисон-авеню он таки застрял в уличной пробке. А эта Анна, конечно, уже дошла до 42-й улицы и вот-вот будет у «Гранд централ стэйшен»! Как быть? Марк стучал кулаком по рулю и просил вслух: «Come on! Come on!» (Ну же! Ну же!)

Наконец грузовик впереди него двинулся, Марк рванул машину, бросил ее вправо и... через два квартала чуть не сшиб эту русскую, когда она переходила Мэдисон-авеню. На скрип его тормозов оглянулась вся улица, а юная русская русалка сказала громко:

– Кретин!

Он прижал машину к тротуару, выскочил из нее и подбежал к девушке.

– Извините. I'm sorry. Я боялся вас потерять. Я находить ваш плащ. It's in my car, он в моей машина. – Марк нарочно портил свой русский. – Это я вам звонить. Вы есть Анна Журавина, так?

Она смотрела на него, хлопая глазами от изумления.

– Вы нашли мой плащ? И вы говорите по-русски? А как вы меня узнали? – В ее голосе было подозрение, сомнение.

– О, это очень просто! Я брал русский язык в университете, давно. А сегодня я провожал моего друга в аэропорт и там нашел ваш плащ. Вы имеете конверт в кармане, и там

есть ваша пикче, фото. Ой, извините, я не могу тут ставить машину, сейчас мне дадут тикет, штраф...

Действительно, возле его «форда» уже стояла чернокожая инспекторша службы уличного движения, в руке у нее была книжка со штрафными квитанциями.

– I'm leaving! I'm leaving! Я уезжаю! – закричал ей Марк, подбегая.

– Move! Двигай! – приказала инспекторша.

Конечно, он мог показать ей свое удостоверение агента ФБР, но он не стал этого делать на глазах у русской.

– Just one second! Дай мне секунду! – попросил он инспекторшу. – I have to...

– Move!

Марк нырнул в машину, тронул ее с места и открыл правую дверцу.

Анна в недоумении стояла на тротуаре, ее плащ был в этой машине, а машина сейчас уедет.

– Please, get in! Садитесь! – на ходу просил Марк из машины. – Она хочет дать мне штраф! Вот ваш плащ!

Он затормозил возле Анны, их глаза встретились, инспекторша стучала ладонью по багажнику его машины, а сзади нетерпеливо гудели грузовики и такси.

И наверно, Анна прочла в глазах Марка нечто большее, чем он хотел сказать.

Она села в машину, закрыла дверцу и улыбнулась:

– Вы шпион ЦРУ и хотите меня похитить. Но я не знаю

никаких секретов. К сожалению.

Марк смутился.

– Я не из ЦРУ, I swear, клянусь! Я работаю для города. Меня зовут Марк. Марк Аллей. Я родился в Бостоне.

– Но вы говорите по-русски.

– So what? А вы говорите по-английски. Вы шпион?

– Конечно. Я Мата Хари, – улыбнулась она и добавила: – Я стюардесса. Стюардессы международных линий должны говорить по-английски. Я окончила английскую школу. Куда мы едем? В ЦРУ? На допрос?

Ей явно понравилась эта игра, и Марк понял, что ему лучше продолжать в том же духе.

– Конечно! Наш главный офис находится в Гринвич-Виллидж. Вы когда-нибудь были в Гринвич-Виллидж?

– Я первый раз в Америке. Я не была тут нигде.

– Как же они отпустили вас одну?

– А все спят. Ведь в Европе сейчас пять утра. Как вы узнали мой телефон?

Он пожал плечами:

– Я же из ЦРУ. Мы знаем все!

И они играли в эту игру весь вечер. Они гуляли по Гринвич-Виллидж и торговались о ценах на секреты Генерального штаба Советской Армии. Они слушали джаз в «Баттом Лайн» и обсуждали способы вербовки членов Политбюро. Они танцевали в «Тзе рокк энд ролл кафе» и разрабатывали планы похищения у Горбачева шифров пуска ядерных ракет.

И даже по дороге обратно, к «Ист-Гейт тауэр», они еще спорили о цене на секреты русской кухни. Но когда Марк остановился возле гостиницы, думая, что тут он ее поцелует, он вдруг увидел, что она спит.

– Анна!

Она не слышала.

– Аня!

Она не шевелилась.

Он тронул ее за плечо, потом чуть потряс – безрезультатно. Она спала, откинувшись на сиденье, открыв пухлые детские губки и совершенно вырубившись. Как ребенок.

– Анна! Проснись! – Марк стал трясти ее, но она только роняла голову из стороны в сторону. «Сколько мы выпили? – подумал он. – Четыре дринка? Пять? Конечно, она не пьяна, просто в Европе сейчас десять утра, и она не спала уже двое суток, с момента вылета из Москвы. Так что же делать? Позвать из отеля портье и вдвоем отнести ее в номер? Но это наверняка скомпрометирует ее, она лишится работы».

Он откинул сиденье, чтобы Анне было удобнее лежать, и медленно поехал по ночному Нью-Йорку. Ничего себе ситуация! Видел бы его Роберт Хьюг! Агент ФБР Марк Аллей с пьяной русской стюардессой в машине!

Он свернул на запад, выехал на Вест-Сайд и погнал на север. Через двадцать минут он был в Ривердейле перед своим домом.

– Анна!

Она не шевелилась.

Он вышел из машины, открыл правую дверцу, поднял Анну на руки и понес домой. Чтобы открыть парадную дверь, ему пришлось переложить ее к себе на плечо, но она не проснулась и от этого. Она спала глубоко и доверчиво, как младенец на руках у отца. И в ней было, наверно, не больше восьмидесяти фунтов – он без особых усилий донес ее до своей квартиры, уложил на кровать и пошел парковать машину. Когда он вернулся, она лежала так же, как он ее оставил, только пухлые губки приоткрылись еще больше. Он сидел над ней и не знал, что делать. Раздеть ее или оставить так, как она есть, – в плаще, юбке и в кителе стюардессы?

Но раздеть ее он не решился, только снял с нее туфли. И снова сидел рядом с ней, смотрел на нее, слушал ее дыхание и думал о том, что вот и сбылась его мечта, вот и нашел он свою Наташу Ростову, свою русскую Белоснежку. Правда, если в ФБР узнают об этом, он немедленно вылетит с работы. Впрочем, это не важно. Важно, что это не сон, не мираж, что она действительно есть в мире и что они встретились...

Он поправил подушку, укрыв ей ноги простыней и ушел в гостиную. Тогда у него еще не было тут почти никакой мебели, и поэтому он устроился на полу – просто постелил на пол спальный мешок и уснул, улыбаясь своей удаче.

Утром он проснулся от яркого солнца, которое било ему в глаза сквозь окно. Он еще полежал, не открывая глаз и стараясь понять, приснилась ему встреча с русской стюардессой

или это было на самом деле. Но тут какая-то тень перекрыла от него солнечный свет. Он открыл глаза. Анна стояла за его плечами, на коленях, и он видел только ее перевернутое лицо, которое наклонялось к нему, всматриваясь в него своими радостными зелеными глазами. А ее пухлые детские губы приближались к его губам. Он поднял руки, обнял ее и замер, потому что ощутил в своих руках не китель стюардессы и не блузку, а совершенно голые девичьи плечи. Не веря себе, с прерванным дыханием, он осторожно повел руками дальше – по ее голой спине... пояснице... бедрам...

Она оторвала свои губы и снова посмотрела ему в глаза зелеными глазами русской русалки. Теперь в ее глазах был вопрос и вызов.

Он перевел взгляд на ее маленькую грудь с темными сосками и потянулся к ним губами.

Это утро стало их первой ночью, и этот день стал их ночью, и именно тогда, на полу, он понял, как дико, как невероятно ему повезло. Анна – вся! – была сделана из одного материала – из его вожделения. Ее юное тело было налито его вожделением, оно пропитывало всю ее кожу, всю мякоть ее плоти и даже ее волосы. От одного прикосновения к ее телу, от одного поцелуя он, только что иссякнувший домертва, оживал снова и снова и кричал мысленно: «Господи! спасибо Тебе за нее! Я не отпущу ее никогда! Никуда! Я буду с ней, в ней – вечно! Это же моя половина, моя часть, это плоть моей плоти...»

Вечером, на закате, она шепнула ему тихо, по-голубино-му:

– Мне пора, Марк.

– Нет, – сказал он.

– Я должна идти. У нас вылет в 22.10. Мы летим в Каракас.

– Они полетят без тебя. А мы завтра пойдем в мэрию жениться. И ты останешься тут, насовсем. Would you marry me? Ты выйдешь за меня?

– Я не могу.

– Почему?

– Я замужем.

– What?! Что?! – Он даже сел от изумления.

И она улетела в тот же вечер, и он никогда больше не видел ее и не слышал о ней. Хотя еще два года дежурил в аэропорту Кеннеди, отказываясь от всех других назначений.

Через два года ему стало казаться, что он никогда и не был с ней, что Анна Журавина была только миражем, сном, выдумкой.

А теперь, спустя семь лет после той встречи, она несла ему пиццу.

Он сбегал по лестнице в вестибюль, чтобы открыть ей дверь.

6

– Конечно, они не знали, что я была в ту ночь у тебя. Но я не ночевала в гостинице, и этого было достаточно. Меня уволили без права работы даже на внутренних линиях. Потом я развелась с мужем. Потом...

Голова Анны лежала на его плече, ее грудь касалась его ребер, а ее бедра прижимались к его бедру. Она опять была с ним, но он все не мог в это поверить. Впрочем, от ее низкого голубинового голоса он опять вспыхнул диким, как у мальчишки, желанием и властным движением руки поднял ее на себя. И только теперь, снова находясь в ней своей плотью, сжимая руками ее бедра и кусая губами ее грудь, он убеждался, что да – это она, Аня, живая и реальная, она снова здесь, с ним, и он – в ней! Господи, спасибо Тебе! Да, конечно, у него были женщины и до Анны, и после нее, когда она улетела от него семь лет назад. И это не были плохие женщины, а иногда это были даже замечательные женщины – и в постели, и вообще. И все же... И все же это были не его женщины. Марк чувствовал это. Он целовал их, и они целовали его, он *made love to them*, и они «делали любовь» ему, но где-то внутри себя, в глубине своего сознания он знал, что это – *performance*, представление. Он изображал страсть, и его молодое тело увлекалось этой игрой, и игра действительно переходила в страсть – почти натуральную. Но как только

заканчивался очередной акт, все выключалось в нем, отчуждалось, и ток переставал течь между ним и его новой герл-френд, и он лежал рядом с чужой ему женщиной, думая, под каким предлогом побыстрее уйти из ее кровати, ее спальни и жизни.

Наверно, там, наверху, думал Марк, Бог создает нас парами, но тут же разъединяет, разбрасывает по континентам, социальным слоям и национальностям. А потом забавляется, наблюдая, как мы ищем свою вторую половину, шарим по глобусу, обманываемся, отчаиваемся, и если соглашаемся на замену, то страдаем от этого до конца своей жизни. А родственные пары, идеально, как пазл, дополняющие друг друга, встречаются друг с другом крайне редко – как в лотерее, как в бинго. Зато именно тогда – и только в этом исключительном случае! – эта пара даже в момент самого дикого, животнo-сексуального акта испытывает, кроме страсти, еще одно, куда более глубокое и сладостное чувство – чувство родства. Две родственные плоти встретились и – наконец! – сочетались библейской любовью – как часто это бывает? Конечно, раньше, думал Марк, во времена Адама или Авраама такое было несложно, у Адама вообще была только его пара из его собственной плоти, да и Аврааму не надо было долго искать и выбирать. Но потом род людской расплодился так, что найти свою пару стало труднее, чем выиграть в Sweepstake Lottery.

Но он, Марк, выиграл! И теперь он пил свой выигрыш,

дышал ее запахом, погружался в нее своей распаленной плотью, обнимал руками, кусал губами и вылизывал языком с той радостью первооткрытия, какую наверняка испытывал Адам в день грехопадения. И все не мог поверить в реальность своего выигрыша. А она, Анна, тихо постанывала от его усилий, целовала его и смеялась. Никогда и никто до Анны не смеялся с ним в *эти* минуты.

А когда *эти* минуты кончились, Анна продолжила свой рассказ:

– Потом, как ты знаешь, наша гласность превратилась в так называемую демократию – полуголод и нищету. А в 91-м, после путча, все стали бежать из России, и я – тоже. Но не сразу. Просто одна американка, стюардесса «Пан-Ам» – я познакомилась с ней, еще когда летала, – пригласила меня в Сан-Диего поработать нянькой ее детей, по-вашему – бэбиситтершей. У нее там дом, двое детей и муж – пилот «Пан-Ам». И они прислали мне гостевое приглашение и билет... Опять? Марк, ты сошел с ума! Подожди!

– Я не могу ждать! Let me in! Впусти меня. Да, вот так. Теперь рассказывай.

– *Так* я не могу рассказывать. Боже мой! Ой!

– Не двигайся! Замри! Рассказывай.

– Ну, я прилетела в Сан-Диего, начала работать, но тут лопнул «Пан-Ам», они оба потеряли работу и... Нет, не могу. Двигайся! Ой, Господи! Еще! Еще!

Минут через двадцать, уже остывая и отдыхая, она сказа-

ла:

– Они хотели, чтобы я вернулась в Россию, ведь они отвечают за меня перед иммиграционными властями, я же приехала в Сан-Диего по их приглашению. Но я не вернулась в Россию. Я прилетела в Нью-Йорк и осталась тут. Сначала работала в массажном кабинете в Куинсе, и вообще кем только я не работала! А потом открыла свой бизнес.

– Свой бизнес? – удивился он.

– Ну, ничего особенного. Трэйд – русско-американская торговля.

– И как давно ты в Америке?

– Пять лет.

– Пять лет! Мой Бог! Почему же ты не позвонила мне сразу, как прилетела?

– Я боялась, что ты женат. И еще...

– Что еще?

– Я думаю, что ты все-таки работаешь в ЦРУ. Или в ФБР, я не знаю разницы.

– Даже если бы я там работал – и что?

– Я же была тут нелегально. Прилетела как туристка и осталась. У меня даже не было разрешения на работу. И только когда я открыла свой бизнес, адвокат помог мне получить грин-карту. Марк, что ты делаешь? Я уже не могу, мы умрем.

– Давай умрем. Вместе. Сейчас. Вот так! Ты спишь с этим адвокатом?

– Нет. Ой! О-ой...

– Правду! Скажи мне правду! Ты спишь с ним?

– Нет, клянусь мамой! Марк, не надо так глубоко, мне больно.

– Сколько ему лет?

– Кому?

– Этому адвокату?

– О, он старик! Лет пятьдесят...

– Он женат?

– Не знаю. Кажется, нет.

– Значит, ты спишь с ним.

– Нет, я же сказала тебе – он старик! Еще! Еще! Ой!..

Когда Марк иссяк в очередной раз, он, уже засыпая, спросил:

– А где ты живешь?

– На 53-й, на Исте.

– Это дорогой район...

– У меня неплохо идут дела. Неужели вы не можете выяснить, кто это делает?

– О чем ты? – спросил он сонно.

– Ну, ваше ЦРУ, ФБР, полиция. Неужели вы не можете выяснить про этот кошмар с ночными ожогами? Кто это делает? А? Марк!

Он не ответил, он уже спал.

Она послушала, как он дышит – глубоко, ровно, даже с прихрапом. Потом встала, прошла в гостиную и останови-

лась у стула, на котором висел его пиджак. Постояла не двигаясь. Из спальни доносилось ровное дыхание Марка. Она похлопала пиджак по карманам, нащупала в верхнем кармане бумажник, вытащила его, открыла. В бумажнике были деньги, кредитные карточки, водительские права и пластиковая карточка с надписью Federal Bureau of Investigation – Федеральное бюро расследований. Под надписью было фото Марка, его имя и фамилия, звание «специальный агент» и фирменная, с орлом, печать ФБР.

Анна удовлетворенно улыбнулась, аккуратно закрыла бумажник и положила его обратно в карман пиджака. Затем вернулась в спальню, легла в постель, умостила свою голову на плече Марка, прижалась к нему, как ребенок, и – уснула.

Чашка горячего кофе и тут же, на подносе, бокал с апельсиновым соком, кружочки ананаса и теплый, разрезанный пополам бублик – одно колечко намазано взбитым сырным кремом, второе накрыто розовыми ломтиками соленой белуги.

От изумления Марк захлопал сонными глазами и сел в постели.

- Где ты это взяла?
- В магазине за углом.
- Это русский завтрак?
- Конечно.

Скрестив ноги по-индийски, она сидела рядом с ним – утренняя, свежая, уже умытая, в его рубашке, завязанной узлом на пупке, а ниже – открытая до трусиков. И – с тем неуловимым внутренним сиянием в глазах, которое всегда сквозит в женщине после *такой* ночи.

Марк потянулся к ней.

– Подожди! – приказала она. – Сначала поешь. А то умрешь от истощения.

И развернула свежий «Нью-Йорк пост», прочла заголовок:

**ПЕРВАЯ ЖЕРТВА КОСМИЧЕСКИХ
ОЖОГОВ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ НА ПЛЯЖЕ В**

ЛОНГ-АЙЛЕНДЕ!!!

Исключительно в «ПОСТ»!

Подробности на второй и третьей страницах!

– Уже узнали! – вырвалось у Марка.

Анна вскинула на него глаза:

– Что узнали?

– Ничего...

– Ты что-то скрываешь от меня?

Он вздохнул:

– Наверно, теперь я могу сказать. Я действительно работаю в ФБР. Об этой смерти мы знали еще вчера. Но не хотели, чтобы это попало в печать. Она взяла напрокат коня и заехала до смерти и его, и себя.

– Ужас! – Анна рассматривала фотографии трупов коня и Катрин Хилч на пляже в Лонг-Айленде. И птиц, разгуливающих по этим трупам. И прибытие на пляж полиции и «скорой помощи».

– Где они взяли эти фотографии? – удивился Марк.

– «Фото Ирвина Максвелла, – прочла она. – Мистер Максвелл, яхтсмен из Ориент-Шор, Лонг-Айленд, первым сообщил в полицию о трупах на берегу».

Черт! Слава Богу, что хоть ребята из прибрежной охраны и охраны лесопарков не спекулируют фотографиями покойников и пресса еще не знает о двух других жертвах.

– А что еще вы хотите скрыть от публики? – Анна посмотрела

рела ему в глаза.

– Ничего.

– Не ври мне. Пожалуйста.

– Я не вру.

Она листала газету.

– Еще двадцать два выжигания за эту ночь. Но ни одной фотографии, как эти ожоги выглядят. – Анна пытливо взглянула на Марка. – Неужели это так ужасно?

– Нет. Даже наоборот, – усмехнулся он. – Они заживают так быстро, что, когда женщина приходит в госпиталь, уже практически нечего фотографировать. Кроме плоской груди, конечно.

– Кошмар! И вы не можете арестовать выжигателей?

– В космосе? – усмехнулся он.

Она вздохнула:

– Похоже, я и эту ночь не смогу быть одна...

– А ты здесь только потому, что боишься луча из космоса?

Она улыбнулась:

– Знаешь, если я приеду сюда сегодня ночью, я все равно погибну. От секса.

Но в ее глазах было нечто такое, что заставило его не ждать ночи, а тут же отложить поднос с завтраком и развязать узел рубашки на ее животе.

Через час, по дороге к Федерал-Плаза, он остановил машину возле высотного здания на углу 31-й улицы и Седьмой

авеню и подошел к тормознувшему впереди темно-синему джипу «Гранд Чероки». За рулем джипа сидела Анна.

– Где твой офис? – спросил он.

– Здесь, на 27-м этаже.

– Как называется?

– ARP, «Американо-российское партнерство».

– Там есть телефон?

– Конечно. 665-12-17. Запомнишь?

– Держи. – Марк вручил ей два ключа от своей квартиры. – Этот от парадной двери, а этот – от квартиры.

– А когда ты придешь?

– Постараюсь пораньше.

– Пожалуйста! Мне страшно одной!

Он поцеловал ее и самоуверенной походкой счастливица вернулся к своей машине. Анна следила за ним в зеркальце заднего обзора. Возле его машины уже стоял тщедушный черный парень – инспектор дорожного контроля с книжкой штрафных квитанций в руках. Марк показал ему свое удостоверение, похлопал по плечу, сел за руль, лихо вырулил влево и, объезжая Анну, махнул ей рукой. «Гранд чероки» стоимостью в тридцать «гран» – совсем неплохо для новой эмигрантки», – подумал он, вливаясь в поток машин на Седьмой авеню.

Между тем Анна тронула свой джип, зарулила в подземный гараж и еще через несколько минут была на 27-м этаже. Здесь, прямо напротив дверей лифта, в роскошном мра-

морном вестибюле, под красивой вывеской «ARP, Inc.» сидела молодящаяся сорокалетняя секретарша с телефоном и компьютером на столе и трафаретно-вежливым «Can I help you?» в глазах. Но при появлении Анны она встала.

– Good morning, Miss Zhuravin.

– Хай, Джессика! – хозяйски сказала ей Анна. Тихий щелчок известил ее, что секретарша открыла замок стеклянной двери бокового коридора. Анна толкнула эту дверь и оказалась в просторной и прокуренной комнате, густо уставленной столами с компьютерами, принтерами, факс-машинами и телефонными аппаратами. Здесь напряженно работали молодые мужчины – стильно подстриженные, одетые в белоснежные рубашки, они тем не менее чем-то отличались от служащих американских офисов. Грудами бумаг на столах и под столами? Бутылками и банками с недопитой кока-колой? Пепельницами, полными окурков? Но разве не бывает всего этого и в американских офисах? Впрочем, одно отличие было очевидным: они говорили в телефонные трубки *порусски*.

– Хер с ними, с джинсами, полежат до весны! А что насчет свиных консервов? У нас тысяча тонн мандой накроется, если их срочно не двинуть, – срок годности кончился еще в прошлом году! Что значит куда ты их двинешь? Я же тебе шесть раз сказал: в армию! Русский солдат все сожрет!..

– Я заказал восемь тонн индийских condoms. Ну, презервативов! Да, на тонны! Фули я их буду на штуки покупать?

Выставляй аккредитив на пол-лимона...

– Простыней и госпитальных халатов могу взять хоть десять контейнеров...

– Что значит – нет противогазов? У меня заказ из Ирака на сто тысяч штук! Скажи генералу: пусть почистит склады «НЗ», ведь валютой платят! Что? Да перестань козла дрочить! А то ты не знаешь, как с генералами разговаривать? Дай ему в лапу лимон деревянных!..

– «Мальборо» уже плывет в Мурманск и Новороссийск! Но если не будет депозита, я дам капитанам команду не разгружаться...

Пройдя через эту комнату, Анна оказалась в кабинете, обставленном дорогой кожаной мебелью, с панорамными фотографиями Москвы на стенах. У окна стояли два деревца в больших керамических горшках, а на широком подоконнике росли живые цветы. Но в кабинете был тот беспорядок, который можно сотворить только спьяну или в отчаянии: на полу валялись пустые бутылки из-под пива и джина, окурки, утренние газеты и несколько дюжин вскрытых конвертов с письмами и мужскими фотографиями. А на диване спал виновник этого беспорядка – небритый и босой тридцатилетний толстяк в потертых джинсах и майке «харлей-дэвидсон».

Анна прошла через кабинет к окну и подняла скользящую фрамугу. Порыв знобящего осеннего воздуха и шум города заставили толстяка пошевелиться, он поджал озябшие голые ноги и с усилием открыл глаза.

– Где ты была? – сказал он хрипло.

Анна села в кресло, взяла со стола пачку «Данхилла», но пачка оказалась пуста, и Анна выудила из пепельницы окурочок. Распрямила его, чиркнула зажигалкой, прикурила и, глубоко затянувшись, ответила:

– У ФБР нет никаких следов.

– Это я прочел в газетах. Я спрашиваю: где ты была?

– Отъебись, Журавин, – устало сказала Анна. – Мы же договорились...

– Но сказать же можно! – произнес он с болью и сел на диване, нашарил рукой бутылку джина, допил из нее последние капли и отшвырнул от себя. – Могла бы хоть сказать, к кому пошла!

Анна смотрела на него молча, с горечью и состраданием.

Но он тут же отвел глаза, стал искать взглядом выпивку, сигареты. Потом поднял с пола пустую пивную бутылку и попытался высосать из нее какие-то остатки.

Анна встала, одним движением сбросила с себя тонкий свитер и еще одним – бюстгальтер, и так, полуголая, легла на диван рядом с толстяком, потянула его к себе.

– Нет... не нужно... – вяло упирался он.

– Иди сюда, глупый.

– Я не могу, не могу...

– Я знаю. Молчи. Иди сюда...

Она прижалась к нему всем телом, и он, как ребенок, вдруг расплакался на ее груди.

– Аня... Какой ужас, Аня!.. Иметь тебя, всю, вот так, – он гладил ее голые плечи, – и отдавать по ночам кому-то потому, что...

– Ничего... Ничего... Молчи... – Она гладила его спутанные волосы, плечи. И с усмешкой показала на разбросанные по кабинету письма с мужскими фотографиями: – Ты же сам мне женихов ищешь. Что ж ты ревнуешь? Я была у одного старого приятеля.

Он приподнялся на локте, всхлипнул и спросил в упор:

– Он хорошо это делает?

– Ты хочешь честно?

– Да!

– Он *очень* хорошо это делает. Я думаю, он даже любит меня. Но дело не в этом. Он работает в ФБР. Понимаешь? Я пошла к нему из-за тебя, из-за этих ожогов.

– И что?

– Они не знают, кто это делает.

– А фотографии самих ожогов?

Анна отрицательно покачала головой.

– Но мне нужны фотографии! – с мукой в голосе сказал толстяк.

Она усмехнулась:

– Хорошо, я пойду к нему еще...

– Нет!!!

8

– Доброе утро, сэр. – Черный охранник осмотрел кабину лифта, остановившуюся на 17-м этаже.

– Доброе... – сказал Марк.

– Наверху штормит.

– Почему?

– Езжай. Увидишь. – И охранник нажал кнопку 18-го этажа, пропуская кабину лифта наверх, во владения ФБР.

Но и подготовленный к «шторму», Марк не ожидал той атмосферы паники, в которую он попал, едва дверь лифта открылась на 18-м этаже. Джеймс Фаррон стоял посреди коридора и орал на своих сотрудников:

– Она – подруга Первой леди! Вы знаете, что это значит? Если с ней что-то случится, мы все останемся без работы, все!

– В чем дело? – шепотом спросил Марк у Ала Кенингсона.

– Позвонили с телевидения. Пропала Лана Стролл, – ответил тот сквозь зубы. – Села на своем ранчо на лошадь и исчезла.

Фаррон повернулся к Роберту Хьюгу:

– Я назначаю тебя руководителем поисков. Лично ответственным! Бери сколько хочешь людей, делай что хочешь, но найди ее живой! Живой, ты понял?

Роберт хладнокровно пожал плечами:

– Тут нужны вертолеты. И чем больше, тем лучше.

– Бери все! Мой личный включительно!

– А как могло случиться, что именно ее не увезли вчера в Покано? – спросил Роберт. Он был двухметроворостым гигантом с крупным и обветренным лицом норвежского моряка, и его нелегко было вывести из себя или заставить перейти с шага на бег.

– Она не заявляла в полицию о пропаже своей сиськи, вот она и не попала в список! – нервно объяснил Фаррон, сам, видимо, виноватый в этой ошибке. – Но мне уже плевать, как это случилось! Главное – найди эту телесуку! Живой! Двигайся! Бери всех, кто тебе нужен, и вперед!

– Ты сегодня выглядишь как-то иначе... – громко, чтобы перекрыть шум вертолета, сказал Роберт Хьюг в ухо Марку.

– Что ты имеешь в виду? – Марк оторвал глаза от бинокля и взглянул на шефа.

– Светишься, как новый доллар. – Хьюг тоже держал у глаз бинокль и разглядывал сверху, из вертолета, рыжие от осенней листвы склоны Катскильских гор. – Нашел себе новую подругу? Или вернулся к старой?

– Гм... – Марк не знал, что сказать.

– Не хочешь – не говори, не мое дело, – усмехнулся Хьюг. – Ты не один! Половина агентов светятся теперь по утрам, как новые монеты. Хоть в этом польза от этой «грудной лихорадки» – все семейные кризисы как рукой сняло!

– Точно! – весело через плечо крикнул им черный пилот вертолета. – Сегодня жена принесла мне завтрак в постель! Можете себе представить?! Впервые за восемь лет! А ночью!.. Я даже не могу вам сказать, что она мне разрешила! Сама!

– Нашел чем хвастать! – усмехнулся Хьюг.

– Нет, Бог знает, что делает! – крикнул пилот. – А то уж больно эти бабы командовать стали! «Феминизм! Равные права!» Кто-то должен был это остановить!

– Ладно, оратор, мы тут не на прогулке. Ниже можешь спуститься?

Пилот, не говоря ни слова, так резко сбросил обороты винта, что вертолет стал падать в ущелье реки Делавэр.

– Эй! Эй! – разом заорали на него Марк и Роберт.

– Ага! Жить хочется? – снова засмеялся пилот и увеличил обороты, повел вертолет над бурной горной рекой. – Еще бы! Когда бабы завтрак в постель подают!

Марк и Роберт снова прильнули к окулярам биноклей. По обе стороны вертолета проплывали покатые склоны старых Катскильских гор, покрытые сосновым и кедровым лесом. То там, то здесь возникали заколоченные на зиму дачи, бунгало, фермы. Ведущие к ним дороги были пусты, с лужами после ночного дождя, меж деревьев изредка проносились олени с белыми подпрыгивающими попками да напуганные шумом вертолета лисы и зайцы. Но никаких признаков знаменитой теледикторши Ланы Стролл. А между тем эта Ла-

на еще вчера утром уехала с телестудии на свое ранчо возле городишка Порт-Джорвис, приказала живущему там мексиканцу-домработнику оседлать ее коня по кличке Блэкфайер (Черный огонь) и ускакала на этом «Огне» в неизвестном направлении.

– Прекрасное место для каноэ... – восхищенно сказал пилот по поводу виляющей в горах речки Делавэр.

Громкий крик в наушниках заставил их всех вздрогнуть.

– Есть! Есть! – орал голос Ала Кенингсона. – Я вижу ее! Квадрат 16-Би! 47-я дорога! Все в квадрат 16-Би! Прием!

– Fuck you, Ал! – негромко сказал в ларинг Роберт Хьюг. – Остынь. Ты можешь толком сказать, что ты видишь? Она жива? Прием.

– Еще как жива! Извини, Роберт. Докладываю по форме. В квадрате 16-Би обнаружил объект поисков. Уверен, что это она. Во всяком случае, вижу бабу на черной лошади. Скачет на восток по 47-й дороге. Жду указаний. Прием.

Хьюг приказал пилоту:

– В квадрат 16-Би, быстрее! – И в ларинг: – Ал, ничего не делай, жди меня. Как понял? Прием.

Лана изумленно посмотрела в небо и натянула поводья. Восемь вертолетов летели к ней с разных сторон, от рева их двигателей конь присел на задние ноги, а потом шарахнулся в сторону – Лана с трудом удержала его на месте.

Спустя минуту один из вертолетов сел впереди на разби-

той грунтовой дороге, из вертолета выпрыгнули двое мужчин и, топая ботинками по лужам, ринулись к Лане. Остальные вертолеты каруселью кружили в небе.

– Вы Лана Стролл? – не то спросил, не то сказал крупнолицый гигант, подбегая.

– Да. А в чем дело? – В голосе Ланы были властность и резкость, а в глазах и во всей фигуре – надменный и жесткий вызов. И то и другое совершенно не вязалось со знакомым миллионам телезрителей образом этой мягкой и интеллигентной телезвезды.

Марк хотел взять ее коня под уздцы, но конь отпрянул, угрожающе встал на дыбы.

– Не тронь коня! Кто вы такие? – крикнула Лана и замахнулась на Марка плетью.

Хьюг достал из кармана удостоверение.

– ФБР. Меня зовут Роберт Хьюг. Вы арестованы.

– За что? – Даже при виде удостоверения ФБР Лана не умерила свой гонор.

– За нарушение границ частной собственности. Вы проехали по частному лесу.

– Вы с ума сошли? Восемь вертолетов – только потому, что я пересекла чей-то сраный лес?

– Слезайте и – в вертолет.

– Минуту! – возмутилась Лана. – А как насчет коня? Я его тут не брошу!

Хьюг почесал в затылке, сказал в радиотелефон:

– Пятый! Это Роберт. Нам нужна машина для перевозки коня. Квадрат 16-Би, 47-я дорога.

– Куда вы ехали?

– Это не ваше дело!

Сидя напротив Ланы в кабинете начальника Порт-Джовисской полиции, Хьюг пробовал быть с ней помягче и не смотреть на ее левую грудь, дерзко выпиравшую под черным, в обтяжку, свитером.

– Мисс Стролл! Пожалуйста! Вы выехали вчера после обеда. Где вы ночевали? Куда вы ехали?

– Я не буду говорить без моего адвоката.

– Хорошо. – Хьюг смягчил свой тон еще на две октавы. Теперь он был просто шелковым. – Я признаю: обвинение в нарушении границ частной территории – это только предлог. Просто нам позвонили с телевидения, что вы исчезли.

– Ну и что?

– И не вышли на работу.

– Это мои проблемы. Какое ФБР до этого дело? Я хочу позвонить моему адвокату. Сейчас же! Если вы не дадите мне телефон, я засужу все ФБР!

– Мы дадим, дадим! Пожалуйста! – Хьюг нехотя поставил перед ней телефонный аппарат.

Лана быстро набрала десятизначный номер, сказала с той же властностью в голосе:

– Это Лана Стролл. Дайте мне вашу хозяйку. А где она?

В Овальном кабинете? Так переключите меня туда! Скажите им, что меня арестовало ФБР!

– О Боже! – Хьюг откинулся к спинке кресла и закрыл глаза. Отчитываться перед президентом за необоснованный арест подружки его жены! Только этого ему не хватало!

Тут в кабинет вошел Марк Аллей и молча положил на стол дневной выпуск «Дейли ньюс». На первой странице газеты была фотография Ланы Стролл и огромный заголовок:

ЛАНА СТРОЛЛ ИСЧЕЗЛА!!!

**ВЧЕРА ПОГИБЛИ ТРИ ЖЕРТВЫ ГРУДНЫХ
ОЖОГОВ, И ВСЕ – НА ЛОШАДЯХ!**

А СЕГОДНЯ ИСЧЕЗЛА ЛАНА СТРОЛЛ!

**ФБР СПРЯТАЛО 160 ЖЕРТВ ОЖОГОВ В
СЕКРЕТНЫЙ ИЗОЛЯТОР!**

Все подробности – на второй странице!

Лана изумленно потянула к себе газету:

– Что это?

Она открыла вторую страницу, стала читать.

– Теперь вы понимаете?.. – начал Хьюг. Но тут кто-то ответил Лане по телефону, и она жестом остановила Роберта.

– Привет! – сказала она в трубку. – Извини, что беспокою... О, я в порядке! Просто я ехала на своем Блэкфайере, никому не мешала, а меня арестовало ФБР. Куда я ехала? А

что? Это важно? Одну минуту. – Она протянула трубку Роберту Хьюгу. – Президент. Он хочет поговорить с вами.

Хьюг обреченно посмотрел на Ала Кенингсона и Марка и взял трубку.

– Роберт Хьюг. Слушаю вас, мистер президент.

Сиповатый, как всегда, голос президента США сказал:

– Спасибо, Роберт. От меня и от моей жены – большое спасибо. Я не знаю, как бы мы пережили, если бы с ней случилось то, что вчера случилось с теми женщинами. Где вы ее нашли?

– В Катскильских горах, мистер президент. На 47-й дороге.

– А где она ночевала?

– Мы еще не знаем, сэр. Ни в одном отеле вокруг ее не видели.

– Куда она ехала?

– На восток, мистер президент.

– А точнее?

– Я не знаю, сэр. Она не говорит.

– Она выглядит нормальной?

– Абсолютно, сэр.

– А ее конь, этот Блэкфайер?

– Он тоже о'кей, мистер президент.

– Н-да... Это все очень странно, мистер Хьюг, очень странно... Она никогда не сидела на этом Блэкфайере, никогда! Он дикий и сумасшедший! Год назад его прислал ей

какой-то шейх из Кувейта в подарок за те несколько лестных слов, которые она сказала о нем по телевизору. И она год пыталась избавиться от этого коня, но никто его не купил, потому что никто не может сесть на него. А теперь вдруг... И вообще есть что-то странное в ее голосе. Кстати, она никогда не звонила нам сама. Даже до того, как я стал президентом. Она была очень застенчивой. А сегодня она звучит bossy, очень властно. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Боюсь, что нет, мистер президент.

– Подумайте, Роберт. Газеты пишут, что та женщина, первая, как ее – Катрин Хилч? – никогда не сидела на лошади, а вчера вдруг арендовала самого дикого коня и поехала на нем так, словно родилась в седле. Потом вторая женщина пыталась на лошади переплыть океан, а третья – перескочить через пропасть. И в тот же день Лана села на этого Блэкфайера, к которому всегда боялась даже подойти. Вы не думаете, что у всех четырех какой-то странный психический сдвиг?

Впервые за время разговора с президентом США Роберт расслабился и даже усмехнулся:

– Сэр, в нашем бюро есть несколько вакансий. Я думаю, вы нам подойдете.

– Спасибо! – улыбнулся голос президента. – Буду иметь это в виду на будущее. А теперь вот что. Лану нельзя везти в Покано, в изолятор. Пресса поднимет жуткий ор. Я думаю, тут нужно действовать осторожно, без нажима. Дайте ей трубку. Я скажу ей, что мы с женой просим ее прилететь

к нам в гости. И вы привезете ее сюда на вашем вертолете. О'кей?

– Вы имеете в виду – сейчас? Прямо в Белый дом? – опешил Хьюг.

– Извините, Роберт, у меня нет других домов, я же не Кеннеди, – снова усмехнулся голос президента. – А что? Вам не нравится белый цвет?

На Пенсильвания-авеню, перед Белым домом, как всегда, стояли демонстранты. Их плакаты требовали государственных субсидий на создание новых рабочих мест, лекарств от СПИДа и прекращения дискриминации гомосексуалистов в армии. Небольшая группа женщин держала плакат с просьбой защитить женщин Нью-Йорка от космических ожогов.

Но в самом Белом доме было по-будничному спокойно.

– Я ночевала в лесу. Положила под голову седло и уснула.

А что?

Президент чуть прикусил нижнюю губу, переглянулся с женой, потом спросил осторожно:

– Сколько весит седло?

Лана пожала плечами:

– Фунтов двадцать...

Она сидела в Овальном кабинете, в кресле, нога на ногу. Высокие сапоги со шпорами, замшевые брюки с кожаными наколенниками, черный свитер в обтяжку, прямая спина, развернутые плечи, надменная посадка головы.

– И ты сама подняла это седло на коня? – спросила жена президента.

– Большое дело! – усмехнулась Лана.

Полусидя на своем рабочем столе, президент чуть наклонил голову влево, глядя на Лану с известной всему миру по-

дуулыбкой на пухлых губах. Его взгляд словно оценивал физическую силу Ланиных плеч, но жена заметила, что этот взгляд куда дольше задержался на торчащей левой груди Ланы, чем на всем остальном. Она резко встала с дивана, сказала Лане:

– Пойдем ко мне! Ему нужно работать!

И, не оставляя времени для возражений, пошла к двери. Лана, поколебавшись, последовала за ней.

Президент, прикусив нижнюю губу, внимательным взглядом проводил ее прямую фигуру и дразняще сильные бедра.

– Ну и баба! – восхищенно сказал он вслед Лане, исчезнувшей за дверью.

А в коридоре Белого дома тоже все замерли, когда жена президента и Лана вышли из Овального кабинета. Привыкшая к почитанию, Первая леди сначала не обратила на это внимания, но затем, оглянувшись, обнаружила, что мужчины – от советника по национальной безопасности до охранников, – застывшие, как в столбняке, смотрят вовсе не на нее, а на Лану. Их восхищенные взгляды буквально пожирали одногрудую Ланину фигуру.

Нахмурившись, жена президента открыла дверь своего офиса, пропустила Лану вперед, потом быстро миновала своего секретаря, начальницу канцелярии и других сотрудников (которые тоже уставились на Лану) и снова открыла перед Ланой дверь. Лана вошла в кабинет подруги и удивленно оглянулась на звук ключа, повернувшегося в двери. А

Первая леди, заперев дверь, сказала:

– Раздевайся!

– Что? – оторопела Лана.

– Снимай свитер!

– Зачем?

– Я хочу посмотреть твой ожог.

– Зачем?

– Ты демонстрировала его по телевидению. Так что можешь и мне показать.

– Но уже ничего нет. Даже следа...

– Пожалуйста! – настойчиво повторила жена президента.

Лана пожала плечами и сняла свитер. Под ним не было ни нижнего белья, ни бюстгалтера. Только голое и совершенно удивительное по красоте женское тело с плоской правой стороной торса, не сохранившей даже следа недавнего ожога. А на левой стороне – фантастически красивая, налитая и упругая, как у девочки, алебастрово-белая грудь, увенчанная торчащим, как ниппель, соском.

Словно ожила древнегреческая скульптура Венеры Родосской, и ее мраморная красота налилась живой, теплой плотью.

– Н-да... – только и произнесла жена президента, недоверчиво обходя свою подругу. – Теперь я понимаю мужиков. А ведь у нас был один размер лифчика – второй. Помнишь?

– Мне кажется, она растет, – сказала Лана про свою грудь.

– А как насчет желания? Эта сиська торчит, будто тебя

возбудили.

Лана прошла в угол кабинета, к бару-холодильнику, открыла его, достала бутылку виски, жадно выпила прямо из горлышка несколько больших глотков и только потом ответила:

– Я презираю мужчин! Fuck them! Конечно, для производства потомства без них не обойтись, но во всем остальном они нам не нужны. Ты можешь быть президентом не хуже твоего мужа. А то и лучше.

Она подошла к окну. За оградой Белого дома на Пенсильвания-авеню по-прежнему торчали безработные с требованиями государственных субсидий на создание новых рабочих мест.

– Посмотри на них! – презрительно сказала Лана, снова прикладываясь к бутылке. – Это же рабы! Рабы, требующие рабства! – И вдруг крикнула в окно: – Fuck you! Fuck you сто раз!

– Заткнись! Ты что! – Жена президента испуганно потащила ее от окна. – Ты же голая!

Но Лана хмельным движением руки легко отшвырнула от себя свою подругу.

– Не трогай меня!

И к ужасу Первой леди, снова выпила виски, опустошив бутылку почти наполовину и пьянея буквально на глазах.

– Что ты знаешь обо мне? – вдруг сказала она с хмельной жесточенностью. – Мы дружим тридцать лет, но что ты дей-

ствительно знаешь обо мне? Ничего! Потому что у тебя есть муж – он твой партнер, твой любовник и твой пастор! Ты не знаешь, что такое одиночество! А я приходила с работы домой, закрывала дверь, и все – я одна! На весь вечер и на всю ночь! Ни одна блядь не позвонит и не пригласит никуда, потому что боится, как бы ее муж не положил на меня глаз! А все приличные мужики давно разобраны! Ты знаешь, до чего я дошла? Я стала читать «Strictly Personal» в журналах. Я, Лана Стролл! И даже сама дала пару объявлений! Анонимно, конечно. Но теперь – все! – Она снова отпила виски. – Fuck them! Никаких мужиков!

Она хотела еще выпить, но Первая леди мягко, как у больной, отняла у нее бутылку.

– Подожди, Лана. Хватит. Дай, детка, я тебя одену... – И ласково погладила подругу по голове.

И от этого короткого, почти беглого жеста что-то дрогнуло в Лане, изменилось, и ее голова вдруг сама потянулась за ладонью подруги, как тянется ребенок за ласковой рукой матери.

Жена президента уловила это движение и тут же обняла подругу за плечи.

– Все хорошо... Все будет хорошо... – сказала она.

А Лана вдруг посмотрела вокруг себя трезвеющим взглядом. словно тепло объятий подруги произвело на нее расслабляющий эффект – ее плечи опустились, спина расслабилась, и она снова стала похожа на прежнюю Лану Стролл –

женственную, мягкую, интеллигентную.

– Со мной что-то не так, да? – сказала она растерянным тоном.

– Куда ты ехала сегодня? – как можно мягче спросила ее Первая леди.

– Я не знаю... Не знаю... – произнесла Лана, и ее взгляд устремился за стены Белого дома.

– Вспомни, это важно.

– Это было как гипноз... Я ехала... Как будто меня звал какой-то голос, маяк... Да я и сейчас это чувствую. Словно меня где-то ждут...

– Где? – тихо, чтобы не спугнуть откровение подруги, спросила жена президента.

– Не знаю... Мне кажется, где-то за морем. Знаешь, тогда, в ту ночь, когда мне выжгли грудь, мне тоже снилось море. Теплое зеленое море. Оно лечило боль. И с тех пор этот морской сон – каждую ночь. А вчера утром... Это было как зов. Я хотела доскакать до океана и куда-то плыть.

– На лошади?!

Лана повернулась к подруге.

– Я свихнулась, да? – Она потеряла свои виски. – Ведь я хотела на лошади переплыть океан... Что-то со мной не так, конечно...

– Нет. Ничего... Ты уже в порядке. Может быть, тебе нужно поспать.

– Вы собираетесь показать меня психиатру?

– А ты хочешь этого?

– Не знаю. Но мне страшно. Мне кажется, я становлюсь другой.

Марк был снова за облаками, в космосе, в той наднебесной высоте, куда взлетает мужчина за миг до оргазма. Кажется, все его тело, вся кровь и даже мозг устремились сейчас туда через тепло-нежную плоть Аниного тела. Говорят, что именно из этого блаженства и сделаны небесные ангелы. Еще одно движение ее бедер, еще одно сладостное движение и...

Но Анна знала эту механику. Сидя на Марке верхом, она вдруг освободилась от него, скрестила ноги и сказала совершенно без эмоций:

– Давай покурим.

– Ты с ума сошла! Пусти меня обратно!

– Пущу, когда все расскажешь.

– О чем? – Он попытался вернуть ее в прежнее положение, но она увернулась.

– Вы нашли ее в Катскильских горах и доставили в Белый дом. Дальше?

– Зачем тебе это знать?

– Женщины любопытны. Ты видел президента?

– Я расскажу, если ты меня поцелуешь.

Анна внимательно посмотрела ему в глаза.

– О'кей... – Она лизнула языком его грудь и опустилась чуть ниже. – Говори! – И снова лизнула и опустилась еще ниже. – Ну, говори!

Марк закрыл глаза, сказал:

– Я не видел президента... О Боже! Еще!.. Он говорил с ней без нас. А потом мы отвезли ее в Покано...

Неожиданно голова Анны оказалась возле его лица.

– Куда вы ее отвезли?

– В Покано.

– Зачем?

– Там медицинский изолятор, где проходят все исследования. Впусти меня!

– А что вы исследуете?

– Не мы. Врачи. Они исследуют их сиськи. Грудь! – Резким рывком он вдруг сдернул Анну с себя, опрокинул на спину и вошел в нее. Затем, отжавшись на руках, сказал торжествующе: – Ну? Что еще ты хочешь знать? Говори!

Она лежала под ним – маленький, сладостно горячий зверек с острыми зелеными глазками, упругой грудью и ногами, заброшенными ему на плечи.

– Говори! – повторил он и, ударяя ее своим пахом, спрашивал в такт этим ударам. – Что!.. еще!.. ты!.. хочешь!.. знать?

– Все! – улыбнулась она. – Почему врачи исследуют их сиськи?

– Потому что они увеличиваются.

– Как это – увеличиваются? Почему?

– Никто не знает. Но им стали малы их лифчики. А врачи сравнили их фото в первый день после ожога и сейчас – их

левые груди стали явно больше и торчат, как пистолет!

– У тебя есть эти фотографии?

– Конечно, – усмехнулся он. – Сегодня нам повезло: одна женщина сама сфотографировала свой ожог полароидной фотокамерой еще до того, как позвонила в полицию. Хочешь посмотреть? У меня есть поминутная съемка заживления раны. Хочешь увидеть?

– Нет, – сказала она равнодушно. И закрыла глаза от наслаждения. – Поцелуй меня...

Рано утром, пройдя по еще пустому офису «Американо-российского партнерства», мимо выключенных компьютеров с их немymi экранами, Анна с такой силой пнула ногой дверь своего кабинета, что там с письменного стола упала пустая бутылка джина, а толстяк Журавин, заспанный, вскочил с кожаного дивана, прикрывая простыней свою наготу. Но Анна не обратила на это никакого внимания, а прямо от двери швырнула ему пачку фотографий:

– Держи!

Толстяк поднял с пола одну фотографию... вторую... третью... Это были отпечатки поминутной съемки заживления ожога на правой стороне женского торса. Хотя снимки были непрофессиональны и сделаны «Полароидом», на них было ясно видно, что ожог имеет форму крупной, как серебряный доллар, монеты. А в центре этого кружка – неясный, но все же заметный крест с петлей вместо верхней черточки.

– Ну! – нетерпеливо сказала Анна.

Толстяк поднял на нее глаза.

– Да, – сказал он негромко. – Эта игрушка – наша. Звони в Москву.

В этот день русский президент был не в духе. К сожалению, последнее время, когда вместо столь любимых им спиртных напитков дочь посадила его на эликсир Мао Цзэ-дуна (женьшень, пантокрин, вытяжка из акульих плавников и еще какая-то гадость), это случалось все чаще. В черном лимузине, который мчался из Горок-9 в Москву в окружении своры «мерседесов» охраны, он грузно сидел на заднем сиденье и с отвращением капризного ребенка на лице смотрел по телевизору старую черно-белую видеокассету с лекцией какого-то носатого профессора МГУ.

«— ...любой экстрасенс, умеющий выходить в астрал, – велел студентам этот профессор, – скажет вам, что над Россией висит облако ненависти. Всегда висит, постоянно! Но откуда оно взялось? Ведь в природе ничто не возникает из ничего. А потому давайте рассмотрим, что такое ненависть, любовь, гнев, раздражение, злость, жалость и так далее. Как я уже говорил, люди – это биохимические системы, которые в соответствии с ситуацией вырабатывают те или иные энергетические ферменты. Вот и все, никакой мистики, а простая биохимия живого организма. Даже когда Чайковский сочинял свою музыку, это был результат выброса ферментов творчества. То есть наше тело вырабатывает ферменты, которые либо заставляют нас, скажем, целовать объект,

вызвавший реакцию выделения приятных ферментов, либо, наоборот, ненавидеть провокатора раздражающих ферментов – бить его, разрушать физически и морально. Иногда одного имени или названия объекта раздражения достаточно, чтобы в нашем организме произошло выделение ферментов ненависти...»

Вместе с президентом кассету смотрели его дочь, которая вот уже год была в должности помощника президента, а также ее протеже – моложавый пресс-секретарь президента Сергей Грузицкий и руководитель Администрации президента Алексей Яшин. А показывал им эту кассету генерал Пашутин, начальник Федерального управления силовыми ведомствами.

«– А теперь посмотрим, что такое войны, – продолжал расхаживать по экрану телевизора маленький, как Ролан Быков, профессор. Когда камера отъезжала от его лица, были видны первые ряды большой студенческой аудитории и профессорская кафедра с грифельной доской во всю стену. – Классики марксизма говорят, что войны – это разрешение экономических конфликтов силовыми методами. А биологи говорят: нет, это использование политиками ферментов ненависти, накопившихся в массах. Возьмите самый простой погром – что это? То же самое: сбрасывание негативной энергии, отведение ее потока от истинных провокаторов недовольства населения. Это элементарно, не так ли? Пойдем дальше. В России полно злобы, люди сучатся друг с дру-

гом целыми днями, люди с утра до вечера только и делают, что ищут, на кого бы излить свои ферменты гнева и раздражения. Наступите на ногу человеку в лондонском метро – что он вам сделает? Я пробовал. Вы не поверите, они на это улыбаются и говорят: «Итс ол райт, донт вори!»...»

Студенты в университетской аудитории засмеялись, и президент в лимузине чуть скривил свои толстые, как лангусты, губы.

«– Нет, честное слово! – продолжал профессор на телеэкране. – Я его, сукина сына, чемоданом по колену! А ее, капиталистку несчастную, ботинком по ноге в ажурных колготках за сорок долларов – и что, вы думаете, она мне сказала? «Sorry, you are standing on my feet!» – «Извините, вы стоите на моей ноге». Она передо мной извинилась! У самой слезы на глазах, ей-богу, а на губах улыбка – «извините»! Мне, негодяю!...»

Профессор выдержал паузу, пережидая оживление аудитории, как эстрадный артист пережидает оживление зрителей, уже захваченных его выступлением.

«– А попробуйте наступить на ногу нашему человеку. Он скажет: «Итс ол райт»? А? Попробуйте! – сказал профессор развеселившимся студентам. – Или просто станьте у выхода из метро поперек движения пешеходов и послушайте, что вам скажут. Нет, мне просто интересно, сколько вы устоите...»

Тут профессору опять пришлось переждать смех своих

студентов. И даже в лимузине президент и его спутники улыбнулись.

– Ну, ты даешь! Чего ты нам принес этого комика? – спросил президент у Пашутина.

– Еще минуточку, пожалуйста! – попросил тот, обращаясь сразу и к президенту, и к его дочери. – Сейчас он перейдет к делу.

«– Тут я в газете прочел, – говорил между тем профессор на телеэкране, – что кто-то кого-то на машине обогнал на проспекте Мира. И что? Шофер, которого обогнали, догнал обгонщика и расстрелял из автомата! На проспекте МИРА! Так дело было или я преувеличиваю? Или я порочу наш город добряков и джентльменов?

– Так! – подтвердила аудитория.

– Спасибо, – сказал профессор. – Итак, мы имеем в нашем народе плотный раствор ферментов с негативным зарядом. Сколько в Москве жителей? Восемь миллионов. А приезжих, командированных, бомжей? Еще два. Говоря языком биохимии, мы имеем в Москве десять миллионов емкостей, до краев заполненных ферментами раздражения, недовольства, горечи, ненависти и тому подобное. Или я не прав? Или по городу ходят и ездят емкости доброты, вежливости, любви и радости?

Аудитория хмыкнула.

– Но если я прав, – тут же подхватил профессор, – если в городе десять миллионов емкостей и если они постоянно

сталкиваются друг с другом, трескаются, разбиваются и переливаются друг в друга, то вообразите, какой коктейль у нас получается, – небесам тошно! Кстати, вы не думали, откуда взялось это выражение – «небесам тошно»?..»

– Это можно пропустить, сейчас я перемотаю. – Пашутин нажал кнопку дистанционного управления, профессор на телеэкране защебетал по-птичьи и задержался со скоростью Чарли Чаплина. Но президент остановил Пашутина:

– Не надо. Пусть говорит. Нам все равно до Москвы ехать.

Действительно, Москва с ее гребенкой высотных зданий была еще далеко, за желто-осенним лесным массивом, который пересекала прямая лента пустого правительственного шоссе со «стаканами» охраны через каждые пять километров. Профессор на телеэкране вновь обрел человеческий голос:

«– Дело в том, друзья мои, что далеко не все десять миллионов этих емкостей имеют возможность в течение дня разрядиться и сбросить свои ферменты ненависти или раздражения на подчиненных, соседей в трамвае или на жену и детей. Далеко не все. Во-первых, просто боятся получить в ответ такое!.. *(Смех в аудитории.)* Да, правильно. А кто у нас имеет возможность разрядиться? Вы скажете: начальство, бандиты и работники сферы обслуживания. Правильно! А сколько их по отношению ко всему населению? Есть статистика: двадцать два процента. Начальства, бандитов, милиционеров и работников сферы обслуживания в Москве ровно 22

процента от общего числа населения. Они свободные люди, у них демократия, ускорение и перестройка, и они изливают на нас свое раздражение, гнев, досаду и прочие негативные ферменты в любой момент...»

– Это какой год? – спросила у Пашутина дочь президента.

– Восемьдесят восьмой, при Горбачеве, – тут же объяснил тот. И услужливо замер в ожидании ее нового вопроса. Но вопроса не последовало, дочь президента отвернулась к телеэкрану.

«– А мы, остальные 78 процентов? – продолжал на этом экране профессор. – Куда мы несем этот коктейль своих эмоций? Вы скажете: в семьи – женам, детям, родителям. Но в первых, не каждой жене скажешь все, что хотел бы ей сказать! Правильно? А даже если и сказал, если сбросил на родственников и жен свои негативные ферменты – куда наши родичи их девают? Глодают, растворяют в море своей доброты, любви и всепрощения? Скьюз ми!..»

Судя по качеству изображения, лекция профессора была снята издали, с верхних рядов аудитории и человеком, который не умел пользоваться трансфокатором и потому нестабильно держал профессора в центре кадра. Иногда лицо профессора вообще исчезало с экрана, и камера искала его вслепую, по голосу:

«– ...Следовательно, к ночи мы имеем в Москве, ну, скажем, 10 условных мегатонн негативных ферментов. Если к утру этот запас никуда не делся, то на завтра к нему прибав-

ляется еще десять, послезавтра еще десять, и, таким образом, каждую неделю в Москве должна происходить резня, как в Ливане. Ан не происходит. Почему? Потому что к утру мы каким-то образом все-таки избавляемся от большей части своего раздражения. Мало кто просыпается утром в бешенстве, гневе или от ненависти. Но вы же знаете: в природе ничто не исчезает. Так куда же девались мегатонны нашей негативной энергии? Тут я должен посвятить вас в природу сна...»

Президент жестом указал пресс-секретарю на холодильник. Тот вопросительно посмотрел на дочь президента, но президент раздраженно сказал:

– Да нарзан мне налей, нарзан!

Грузицкий с явным облегчением открыл холодильничек и налил президенту минеральную воду в разом запотевший стакан.

«– Вообще-то это большая и отдельная тема, – говорил тем временем профессор, – но я не буду входить в детали, а скажу только суть. Тот, кто нас создал – назовите его Богом, природой или Высшим разумом, это все равно, – так вот, он понимал, что играет с огнем, и на всякий случай спрятал от нас пару секретов бытия. Иначе человечество давно бы разобрало эту игрушку – жизнь на мелкие кубики и никогда бы не собрало обратно. И одним из таких секретов является сон. Почему мы спим? Почему, имея всего семьдесят – восемьдесят лет для жизни на этой планете, мы треть этой жизни про-

водим в совершенно бессознательном состоянии? Вот мой ответ без обсуждения деталей: на ночь нам отключают сознание, и в этом бессознательном состоянии мы сбрасываем в космос негативные ферменты, как подводная лодка сбрасывает отработанную воду. И забираем из космоса энергию положительную. Вот и все. И нет, я думаю, в этой аудитории человека, который хотя бы раз в жизни не испытал во сне состояние полета. Но то был самый простой перебор энергии, ничего больше. Именно во сне происходит наше подключение к батареям космической энергии, и – слава Богу, что во сне! Если бы Бог показал нам наяву, как это делается, если бы открыл дорогу к этим батареям – даже страшно подумать, что человечество сделало бы с этой энергией! Да, так вот представьте, что *каждую* ночь десять миллионов москвичей выливают в космос тонны своих негативных ферментов. Конечно, Господь не рассчитывал на такую продуктивность социализма, он ориентировался на всяких там сдержанных англичан, ленивых египтян и веселых кубинцев. Но мы же стахановцы, мы передовики, мы авангард человечества! Вот небесам и становится тошно, поскольку природа не знает, куда ей девать эту нашу негативную энергию, – точно так, как мы не знаем, куда девать ботинки фабрики «Скороход» и рубашки «Москвички». Куда Госплан сплавляет этот ширпотреб? Я не знаю! А вот что тучи нашей негативной энергии собираются в астрале и висят над Москвой – это даже по нашей погоде видно. Сравните погоду в соседних

странах и у нас, и вы сами поймете разницу. Двести пятьдесят миллионов наших людей еженощно сбрасывают в космос энергетические ферменты злобы, отчаяния, бешенства, гнева, и это накапливается, это веками накапливается над Россией! А теперь послушайте идею вашего чудака профессора. Она проста, как слеза. Нужно создать накопитель или конденсатор ненависти – скажем, по принципу оргонных накопителей Райха, – собрать с его помощью те тучи ненависти, которые висят над нашей несчастной страной, и запузырить эту отрицательную энергию куда-нибудь подальше от родины. На Юпитер, на Сатурн, на США... Ну, про США это, конечно, шутка, но создание оружия ненависти – не самая последняя идея, как вы считаете? Во всяком случае, под каким еще предлогом можно получить деньги на такие исследования? Представьте себе, что вы приходите в Госплан или в Совмин и говорите: мы хотим очистить нашу родину от ферментов злобы и раздражения, чтобы весь наш народ стал добрым и вежливым, дайте нам на эти исследования десять миллионов. Даже если вы пришли к ним с утра, когда они еще не полностью нагружены... Я имею в виду ферментами раздражения, конечно... То куда они вас пошлют, как вы думаете? А теперь представьте, что вы пришли в Министерство обороны и говорите: мы можем создать накопитель ненависти, вывести его на космическую орбиту и при необходимости тайно сбрасывать эту ненависть на противника. Жажнули эдак сто мегатонн на американцев – и они друг друга режут,

гражданская война между штатами Нью-Йорк и Нью-Джерси. Или захотела от нас Прибалтика отколоться, а мы на них полсотни мегатонн, и у них начинается литовско-латвийская резня...»

– Какой, ты сказал, это год? – спросил президент у Пашутина.

– Восемьдесят восьмой, февраль.

Президент кивнул.

«– Всего пять мегатонн – и в Панаме антиамериканское восстание, – продолжал профессор. – И не надо никаких бомб, ракет, танков! Ничего не надо, только залить из космоса противника энергией ненависти – и все. Как по-вашему, сколько денег отвалит на это Министерство обороны? Особенно если изложить это не так легкомысленно, как я, а всерьез. И научно обосновать пути реализации проекта. Например, так... – Профессор подошел к доске и стал быстро писать мелком, говоря: – Первый этап: лабораторные эксперименты на собаках по выделению фермента ненависти, злости, раздражения. То есть берем собак, вживляем им пробирки для сбора слюны, всякие электроды и прочее и злим этих собак до бешенства. Слюну бешенства, кровь, мочу, что еще? – на химический анализ. Второй этап... Ну, подсказывайте, включайте мозги! Ставлю задачу на сообразительность! Второй этап!..

– Забор энергии! – подсказали студенты.

– Рановато, но ладно, запишем, – согласился профессор. –

Второй этап – забор биоэнергии. Тут нужен полет фантазии: как забирать эту энергию, куда, где хранить? Но мозги уже включились, прошу вас – третий этап? Ну?

– Эксперименты на людях! – выкрикнули из аудитории.

– Где? На ком? – тут же пытливо обернулся профессор к студентам.

– В психбольницах!

– В отделениях для буйных! – стали подсказывать из разных концов.

– Ага! Идею усек! – подхватил профессор. – Можно с психами делать то же, что с собаками: доводить до бешенства и брать слюну и кровь на анализы. И – если мы уже знаем как – забирать у них негативную энергию.

– Эксперименты с экстрасенсами и телепатами! – снова крикнули из аудитории.

– Правильно! Молодец! – Профессор тут же заскрипел мелком по доске. – Эксперименты с медиумами, обладающими мощным биополем. Вроде Джуны, Кулешовой, Кулагиной и других. Цель экспериментов: выяснение способов передачи биоэнергии на расстояние. Верно? И наконец, четвертый этап: создание опытного КН – конденсатора ненависти и ПКН – пушки конденсатора ненависти, их лабораторные и полевые испытания. Разумно? Пятый этап: доводка КН по замечаниям заказчика и государственные испытания. Шестой этап: вывод КН на космическую орбиту под видом метеоспутника и оказание консультаций заказчику в пери-

од эксплуатации. Все, товарищи. Перепишите это задание в тетради и подготовьтесь: на следующем занятии мы проводим разработку всех пунктов этого проекта методом мозговой атаки. До свидания!»

Пленка кончилась, по экрану видеомэгафона пошли полосы, и Пашутин выключил его.

– Ну? – спросил его президент. – И на хрена ты это нам привез?

– Они сделали этот конденсатор, – вместо Пашутина сказал Яшин.

– Кто – они? – не понял президент.

– КГБ, – объяснил руководитель Администрации. – В девяностом году.

Президент и его дочь вопросительно глянули на Пашутина, требуя объяснений. Тот сказал:

– Я тогда был всего лишь полковником. Но, по моим данным, дело обстояло так. Пятое управление получило донос на этого профессора из-за его антисоветских шпилек во время лекций. Вы же слышали. И они сняли его лекцию скрытой камерой, чтобы пришить ему 58-ю «прим» – от трех до семи за антисоветскую пропаганду. Но когда они посмотрели пленку, то уже вторую лекцию этот профессор – его фамилия, конечно, Шварц – читал Чебрикову. А тот тут же дал ему лабораторию и неограниченный бюджет. И все, что этот Шварц писал тут на доске, они провели за два года: опыты с собаками, экстрасенсами и даже с дельфинами. В 1989-

м у них был готов конденсатор ненависти, и они вывели на орбиту спутник «Кедр-1» с этим КН на борту. Но в августе 91-го, сразу после путча, когда народ громил КГБ и свалил памятник Дзержинскому, кто-то разгромил и эту лабораторию. Сгорели все документы и оборудование, сотрудники разбежались, и вся связь с этим спутником ненависти накрылась...

– Ты... ты хочешь сказать, что над нами вот уже восемь лет летает эта херня, а ты об этом не знал? – грозно наклонился к Пашутину президент.

– Отец! – укоризненно сказала дочь, поскольку раньше президент даже в нетрезвом виде никогда не опускался до грязного мата.

– КГБ разваливал не я, а Горбачев и Бакатин, – пожал плечами Пашутин. – Бакатин передал американцам схему расположения наших микрофонов в их посольстве, и это только то, что он сделал *открыто*. А сколько документов и проектов они с Горбачевым могли передать Рейгану и Бушу под столом?

Имя Горбачева всегда вызывало у президента бурное выделение ферментов ненависти в точном соответствии с теорией этого профессора Шварца, и дочь президента с опаской посмотрела на отца.

– Так! Приехали! – сказал тот и посмотрел в окно. Хотя он имел в виду совершенно иное, но оказался прав: его кортеж въезжал в Москву. Машины охраны перестроились «гре-

бенкой» и хищной стаей полетели по пустому Кутузовскому проспекту, освобожденному милицией от всего транспорта.

– А почему это всплыло сейчас и насколько это опасно? – спросила у Пашутина дочь президента. Хотя год назад, во время президентской избирательной кампании, ей удалось сменить окружение президента на сотрудников ее возраста, поставить во главе надзора за всеми силовыми структурами молодого руководителя отец не позволил. Или – не решился. Пашутину было 55, и он был из разряда тех серых работяг, которые всегда приходят к власти после революционных преобразований, сделанных их предшественниками.

Теперь вместо ответа Пашутин услужливо протянул ей те самые фотографии ожогов женской груди, которые в Нью-Йорке Анна стащила у Марка Аллея.

– Что это? – спросила дочь президента, брезгливо разглядывая первую из них.

– Вот уже неделю в Нью-Йорке какие-то террористы выжигают женщинам груди раскаленным тавром, летящим из космоса, – стал объяснять ей Яшин.

– И что? – насторожилась она, но тут слабая догадка мелькнула у нее в мозгу, и она развернулась к Пашутину: – Вы... вы думаете?..

И президент тоже повернулся к начальнику ФУСВ, его взгляд потяжелел, а толстая нижняя губа отвисла предвестником гнева и шторма.

Пашутин обреченно кивнул:

– Это тавро – наша игрушка. Точнее, игрушка Шварца.

Она называлась линзой КН – конденсатора ненависти...

– Да плевать, как она называлась! – взорвался президент.

– Папа! – сказала дочь.

Но он даже не слышал ее, он кричал на Пашутина:

– Как?.. Как это оружие оказалось у американцев?

Пашутин побледнел, сказал тихо:

– Не оказалось. Честное слово, не оказалось, товарищ президент...

– Тамбовский волк тебе товарищ!

– У нас давно никто никому не товарищ, – напомнил Пашутину пресс-секретарь Грузицкий.

– Докладывай! – взяв себя в руки, перебил президент.

– Только короче, мы уже к Кремлю подъезжаем, – заметил Яшин.

Действительно, президентский кортеж уже выскочил с Кутузовского проспекта на Новый Арбат. Пашутин искоса посмотрел на Яшина в тайной надежде на поддержку, но тот молчал.

– Американцы ничего не знают про это оружие, – твердо сказал Пашутин президенту. – Они думают, что эти ожоги – дело рук НЛО. Они даже запросили у нас сведения, не появились ли и над нами какие-нибудь летающие тарелки...

– Короче, наша версия такая, – все-таки вмешался Яшин, видя, что Пашутин опять уходит от сути. – В августе девяносто первого, во время путча, кто-то разгромил лабораторию...

рию Шварца и похитил эту линзу. А теперь из Нью-Йорка наладил связь с нашим «Кедром» и, пользуясь его энергией, выжигает американкам сиськи. – И Яшин извинился перед дочерью президента: – Извини, мать, за слово «выжигает»...

– Зачем выжигает? – спросил президент.

– Вот в том-то и дело! Никто не знает зачем! – ответил Яшин. – Если бы это были обычные террористы, они бы на третий день объявили свой ультиматум. Скажем: дайте нам миллиард, и мы прекратим выжигания. А не дадите, начнем выжигать яйца вашим конгрессменам. Извини, мать, за слово «вашим». Я думаю, американцы сдались бы, как наш премьер в Буденновске.

Президент несколько секунд в упор рассматривал руководителя своей Администрации. Потом спросил, чуть откинув голову:

– Насчет яиц – ты всерьез?

– Ну, – пожал плечами Яшин, – если они могут с помощью этой линзы попасть из космоса в грудь любой женщине в Нью-Йорке, то, наверно, нетрудно попасть и в другое место.

– Та-ак... Ничего себе, понимаешь! – Президент почесал затылке и, вновь раздражаясь, посмотрел на Пашутина: – И такая штукавина была у нас еще в девяностом году? А вы ее упустили?

– Я тогда не был начальником силовых структур, – напомнил Пашутин.

– Твое счастье, – остыл президент. И добавил, глядя в окно: – Жалко! Нескольким «товарищам» я б и сейчас кой-чего выжег.

Его приближенные улыбнулись, они хорошо знали, кого он имел в виду.

– Ситуация такая, – сказал Яшин, возвращаясь к деловому тону. – Мы не знаем, кто и зачем выжигает груди американским бабам. Но если американцы возьмут этих типов – а они их рано или поздно возьмут, все ФБР уже брошено на это дело, – то они расколют их в первые же десять минут и узнают, что мы держим на орбите спутник с оружием похлеще атомной бомбы. И это в то время, как мы подписали с США всякие соглашения о любви до гроба и даже все свои ракеты обесцелили...

– А скинуть им эту информацию сейчас тоже нельзя, – вставил Пашутин, боясь упустить свою долю в деловом разговоре с президентом. – Они не поверят, что мы не знали об этой штуковине, когда подписывали протокол об уничтожении всего оружия, направленного на США.

– И что ты предлагаешь? – спросила дочь президента у Яшина.

– Это не я предлагаю, это он предлагает. – Яшин кивнул на Пашутина.

Тот сказал как бы одновременно и президенту, и его дочке:

– Мне нужно ваше разрешение на проведение силами ГРУ

операции на территории США. Чтобы срочно найти этих типов с линзой Шварца. То есть еще до того, как американцы допрут, что это задействован наш «Кедр-1».

Президент посмотрел в окно и задумчиво поскреб затылок. Протокол о взаимном прекращении шпионских операций на территории США и России был подписан им с американским президентом еще пять лет назад. Именно тогда он и американский президент перешли на ты, и с тех пор оба держали слово.

Кортеж въехал в Кремль через Боровицкие ворота и подкатил к подъезду бывшего здания царского Сената, а ныне – Администрации Президента России. Охранники «наружки», подбежав к лимузину, открыли его заднюю дверцу. Генерал-телохранитель, выждав короткую паузу, вышел из передней дверцы машины и быстрым взглядом окинул посты «наружки». Все было в порядке – и на площади, и у подъезда, и в окнах, и на крыше здания Сената. Справа, в стороне, за серым гранитным памятником Ленину, в тени серебристых кремлевских сосен Ивановской площади, дремал танк «Т-72» – он стоял там со второго октября 1993 года.

Яшин, Грузицкий и Пашутин тоже вышли из машины и ждали появления президента и его дочери. Президент тяжело выбрался из лимузина, отказавшись от помощи и дочки, и охранников, и сказал Пашутину:

– Ты это... Подожди в приемной... Мы подумаем.

12

Телефон звонил уже целую вечность, но Марк и Анна игнорировали эти звонки. Казалось, они все еще проводили в постели свою первую после семилетней разлуки ночь. И только когда Анна мертвой птицей рухнула Марку на грудь, он подтянулся к телефону и снял трубку:

– Hello...

– В следующий раз, когда ты отключишь свой пейджер, считай, что ты уволен, – сказал раздраженный голос Ала Кеннингсона.

– Что случилось?

– «Красная тревога».

– Что-о?! – От изумления Марк резко сбросил Анну с себя и рывком сел в кровати.

– Мост Вашингтона, шесть минут максимум! – сказал Ал и дал отбой.

Марк рывком выбрался из-под Анны и стал спешно натягивать джинсы. «Красная тревога» могла быть объявлена только в случае атомной войны, вторжения инопланетян, взрыва Сити-холла или еще чего-то ужасного.

– Ты куда? – спросила Анна по-русски.

– У нас тревога, я должен ехать.

– Я с тобой.

– Не говори ерунду. – Он уже застегивал рубашку.

Но Анна вдруг вскочила с такой резвостью, словно это не она только что лежала в постели обессиленной птицей. И тоже стала одеваться.

– Даже не думай! – сказал Марк, проверяя обойму в пистолете.

– Я не останусь ночью одна!

– Я не могу тебя взять. Пока!

Марк выскочил из квартиры на мокрую от дождя улицу, пробежал к своему «форду», но Анна, полуголая, выскочила за ним и успела ухватить ручку задней дверцы машины, когда он уже отъезжал. Марк вынужденно ударил ногой по тормозу, обернулся к ней:

– Ты с ума сошла!

– Конечно! – сказала она, шмякаясь на сиденье и натягивая какую-то куртку на голые плечи. – А ты хочешь, чтобы мне без тебя сиську выжгли! Поехали!

Он сокрушенно крутанул головой и дал газ. Машина вымахнула на пустое ночное шоссе «Генри Хадсон парквэй» и сквозь дождь понеслась на юг, к Нью-Йорку. Еще через пару минут Марк свернул под указатель «Мост Джорджа Вашингтона», сделал крутую петлю и выскочил на мост, ища глазами машину Ала. Но Ала нигде не было. Гигантский мост Джорджа Вашингтона нависал над черным Гудзоном, соединяя северную оконечность Манхэттена со штатом Нью-Джерси. Редкие встречные грузовики и авто таранили ночной дождь желтыми конусами фар.

Марк пересек весь мост и только перед выездом с него увидел справа, на боковой полосе, темный «форд торас» с синей мигалкой на крыше. Марк свернул к нему, собираясь остановиться, но в тот же миг «торас» стремительно рванул с места, рука Ала Кенингсона высунулась из кабины и жестом приказала Марку следовать за ним. Обе машины, набирая скорость, сошли под указатель «Форт Ли», сделали полную петлю под мостом и выскочили на него со стороны Нью-Джерси. Здесь автомобили притормаживали у будок шлагбаумов при въезде на мост и оплачивали въезд в Нью-Йорк. Хотя движение в такую позднюю пору никогда не было напряженным, сейчас у кассовых будок собралась вереница грузовых фургонов и легковых машин. Обогнув их, Ал подъехал к какому-то желтому школьному автобусу, торчавшему справа от кассовых будок. Здесь же табунком стояли стандартно-серые «форды» и «шевроле» сотрудников ФБР и полиции. В одной из этих машин Марк увидел несколько женских голов, и у него отлегло от сердца – не он один притащил с собой компаньонку. Он вышел из машины и подошел к Алу.

– Что случилось?

– Бунт в Покано. Все бабы разбежались. Нападают на конюшни и владельцев джипов. Похищают лошадей и джипы «бронко». Хрен знает почему. Мы перекрыли все дороги, – и Ал кивнул на шлагбаум.

Только теперь Марк заметил, что у каждой будки-кассы

стоит по агенту ФБР и полицейскому, проверяют документы водителей и осматривают кабины и кузова траков. Из-за этих осмотров и скопилась очередь.

– Мы тут задержали шестнадцать этих сучек, – продолжал Ал на ходу, направляясь к школьному автобусу. – Вот они, в автобусе, ты отвезешь их назад, в Покано.

– Я? – изумился Марк, едва поспевая за Алом.

– Не бойся, – бросил тот через плечо. – Они уже не кусаются, доктор всадил им снотворное. Кто это в твоей машине?

Но Марк не успел ответить. От крайней слева будки слышался женский крик:

– Ебаные копы! Вы не имеете права...

Несколько полицейских и агентов ФБР разом бросились туда, спеша на помощь двум агентам ФБР и полицейскому, которые пытались вытащить из-за руля джипа «Бронко-2» худенькую женщину лет тридцати. Но она оттолкнула их с неожиданной для такой пигалицы силой, резко нажала на газ, и ее «бронко», сбив полосатый шлагбаум, рванул вперед. Однако дежурившие там полицейские машины тут же ринулись ей наперерез, сверкая мигалками и оглашая воздух воем сирен. «Бронко» врезался в одну из них, остановился, женщина выскочила из машины и стремительно, со скоростью олимпийской чемпионки по бегу, помчалась назад и вбок – к перилам моста.

– Шит! (Дерьмо) – выругался Ал и побежал наперехват, догадавшись о ее намерениях.

Марк и выскочивший из автобуса врач ФБР рванули за ним, но Ал опередил их на добрую сотню метров – он еще в школе был нападающим футбольной команды и рывок с места был его «коронкой». Однако даже при его скорости женщина смогла оторваться от него настолько, что успела влезть на высокие перила моста, и только тут, перед ее последним безумным шагом, Ал в длинном прыжке ухватил ее за плечо и сдернул на мокрую металлическую пешеходную дорожку моста. Впрочем, и падая, женщина проявила нечеловеческую ловкость – каким-то странным вывертом упала, как кошка, на ноги и на руки и вскочила, словно резиновая, собираясь вновь сигануть с моста. Однако в этот миг подоспел Марк, он сбил женщину с ног всем весом своего тела, навалился на нее сверху и отработанным приемом ухватил за руки, пытаясь заломить их за спину. И вдруг с изумлением ощутил, что его мужские и хорошо тренированные руки не могут одолеть сопротивление этих, казалось бы, худеньких женских рук. В изумлении он напряг свои мускулы до предела, чувствуя, что сейчас эта супербаба просто сбросит его с себя и вырвется.

Но тут тело женщины вдруг дернулось под ним и обмякло, теряя способность к сопротивлению. Марк поднял голову и увидел, как врач небрежным жестом выбросил за перила моста короткий одноразовый шприц, а Ал отпустил ноги этой бабы. Она не вскочила и даже не пошевелинулась, она уже спала. Ал поднял ее на руки и понес к автобусу, говоря

Марку на ходу:

– Ты понял? Она ни хера не весит, а силища как у Тайсона!
И две сотни таких бешеных баб сбежали из Покано!

В автобусе он кулем бросил женщину на сиденье, пристегнул ремнем безопасности, а наручниками – к стойке кресла. На всех остальных сиденьях тоже спали молодые женщины, пристегнутые к креслам ремнями и наручниками.

– Давай двигай в Покано! – приказал Ал Марку. – Тут уже комплект. – И повернулся к вошедшей в автобус Анне: – Вы кто?

– Я его герлфренд, и я поеду с ним, я одна не останусь! – решительно сказала Анна.

– О'кей, о'кей, – поспешно согласился Ал и сказал врачу: – Ну и бабы пошли! Кипяток!

А врач протянул Анне коробку с одноразовыми шприцами и стеклянными капсулами:

– Не бойтесь, это чистый морфий. Как только начнут просыпаться, колите в задницу! Справитесь?

Анна кивнула.

– О'кей, пошел! – Ал выскочил из автобуса вслед за врачом и стукнул ладонью по двери, приказывая Марку отправляться.

Марк завел двигатель и тронул автобус на запад.

Мимо него ремонтная техничка тащила изуродованный от столкновения «Бронко-2». Над задним бампером этого джипа висело зачехленное запасное колесо с фирменным

знаком «бронко» – брыкающимся мустангом.

ИЗ СООБЩЕНИЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ И ТЕЛЕГРАФНЫХ АГЕНТСТВ:

«Попытка ФБР изолировать жертвы «космических ожогов» в кэмпе «Покано-Форест дрим» обернулась трагедией: женщины взбунтовались и разбежались, а новые жертвы ожогов перестали регистрироваться в больницах и полиции. Пережив ожоговый шок, они начинают проявлять агрессивность и нападать на мужчин. Появились совершенно новые виды преступлений: в Центральном парке две белые женщины изнасиловали черного парня. В сабвее кто-то попытался флиртовать с одногрудой женщиной, а она избила его...»

«Число пострадавших от «космических ожогов» стремительно растет. По неполным данным, только за последнюю ночь этим ожогам подверглись в Нью-Йорке 79 женщин, а всего с начала месяца – 277...»

«Тысячи одиноких белых женщин из среднего и высшего класса покинули город. Остальные парализованы ужасом. Черные проповедники Джероми Фарэвэй, Рэй Шепилов-младший и другие заявили

о конце белой расы и превосходстве черных женщин, обладающих иммунитетом к «космическим ожогам»...»

«Объявления в газетах орут о готовности белых женщин на все, лишь бы найти мужчину. Разводы прекратились. На улицах и в сабвее замужние женщины держат своих мужчин двумя руками. Еще никогда мужчины не были окружены таким женским вниманием – из-за них происходят драки. «Виллидж войс» опубликовал обращение лос-анджелесского клуба «Плейбой» к космическим пришельцам. Члены клуба просят инопланетян перенести их огонь из Нью-Йорка в Лос-Анджелес хотя бы на пару ночей...»

«Террор новых амазонок ширится. Одногрудая женщина напала на конного полицейского, стащила его с лошади и ускакала...»

«В Манхэттене зарегистрировано четыре «Клуба новых амазонок», их одногрудые гуру опубликовали в «Нью-Йорк дейли» страничное объявление с призывом ко всем женщинам добровольно вырезать правую грудь. «Удалив правую грудь, вы избавитесь от ужаса ожидания космического ожога и тысячелетнего ига дебилов мужского пола!» – сказано в объявлении...»

«Согласно достоверным данным, правительственные учреждения Нью-Йорка и Вашингтона проводят

интенсивные секретные совещания с учеными с целью определить источник этой напасти. Хотя над Нью-Йорком постоянно летают АВАКСы и правительство регулярно делает заявления, что над США нет никаких инопланетных летающих аппаратов, большинство средств массовой информации считают, что над Нью-Йорком висит незримая «летающая тарелка» космических амазонок, которые готовят кадры для свержения власти мужчин и восстановления матриархата на Земле...»

«На случай эскалации женского террора полиция вызвала всех отпускников, а ФБР запросило у Вашингтона мобилизацию национальных гвардейцев...»

ДОКУМЕНТ:

ДЖЕЙМС Л. ФАРРОН

**Директор Нью-Йоркского городского управления
Федерального бюро расследований
Федерал-Плаза, 28, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк,
10001**

Срочно, секретно

Директору ФБР,
Штаб-квартира ФБР,

РАПОРТ

Ситуация с «космическими ожогами» выходит из-под контроля нью-йоркских городских сил правопорядка. За последние трое суток наблюдается отказ женщин регистрировать полученные ими ожоги, и теперь мы не в состоянии определить истинное количество жертв и принять меры к изоляции «новых амазонок». Одновременно наблюдается резкое увеличение агрессивности этих «амазонок» по отношению к мужчинам и акты их прямого насилия, о чем я докладывал раньше. Вчера нью-йоркский «Клуб амазонок» приобрел в городе Клиф-Пойнт, Лонг-Айленд, стрелковый клуб и кэмп бойскаутов «Горный орел», оборудованный для верховой езды и тренировок в условиях, приближенных к условиям тренировок армейских десантников. Сегодня в 0.27 утра произошел бунт одногрудых женщин, интернированных в больничный кэмп «Покано-Форест дрим», штат Пенсильвания. Под руководством бывшей ведущей теленовостей Ланы Стролл восставшие связали врачей, разоружили охрану и разбежались, совершая нападения на автомобилистов и угоняя машины – главным образом джипы «бронко» и «Бронко-2»...

– А откуда у него эти фотографии? – спросила дочь русского президента, сидя в отцовском (а до того – горбачевском, брежневском, хрущевском) кабинете, разглядывая фотографии, доставленные Пашутиным.

– Это его племянница передала из Нью-Йорка, – ответил Яшин. – Она раньше работала на ГРУ под крышей «Аэрофлота». А теперь у нее какая-то фирма в Штатах, импорт – экспорт. Но оформлена, конечно, на кого-то другого. Чтобы дядю не подставлять.

– Вот блин! – возмутился президент. – У всех, понимаешь, дети в Америке! Демократы, ё-мое! Ты можешь представить, чтоб племянница Берии или Молотова имела свою фирму на Западе? А? Да Сталин бы им головы, понимаешь, поотрывал!

Дочь молчала. Она сидела в золоченом кресле екатерининских времен и ждала. Она знала, что отец просто отводит руганью душу. Хотя пресса уже открыто пишет, что президент лишь послушная кукла в руках своей дочери и ее команды, на самом деле это далеко не так. Куклы не выкидывают те фортели, которые можно ждать от отца в любую минуту. С тех пор как она лишила его алкоголя и очистила Кремль от спаивавших его массажистов и банщиков, она вдруг оказалась перед совершенно неожиданной проблемой:

к отцу вместе со здоровьем вернулись и самые элементарные мужские силы и желания. В конце концов, он еще нестарый мужчина! Но разве может она, дочка, решить этот вопрос? А помочь ему втайне от нее никто из новой кремлевской гвардии, конечно, не решится. Между тем из-за этого неудовлетворенного «беса в ребре» отец с каждым днем становится все капризнее, вспыльчивее и грубее. Из его обращения с подчиненными почти исчезло местоимение «вы», а из поведения – прежние выдержка и хладнокровие. Теперь он может публично ущипнуть за задницу смазливую стенографистку, наорать на министра обороны. Словно былая партийная закваска вдруг поперла из него, как перебродившее тесто. «Какого хрена вы мне раньше не доложили?!» «Я тебя из дерьма министром сделал, а ты даже с реформой справиться не можешь!» Конечно, на публике ему приходится вместо этих акцентов употреблять маловыразительные «понимаешь» и «это самое». И тогда получается какая-то каша, а вовсе не то, что он имеет в виду. Мало кто догадывается, что если заменить эти «понимаешь», «э-э-э» и прочие заминки на нормальные русские термины, то все речи последних российских лидеров тотчас обретут яркую образность и конкретный смысл. Потому что мат в их лексике – это вовсе не ругань, а признак власти, как звезды на погонах. Только хозяин имеет право материться, никто больше! Поднимаясь по номенклатурной лестнице к вершинам власти, отец и все, кто был в Кремле до него, терпели мат своих

хозяев, не имея права даже чертыхнуться в их присутствии. И отводили душу еще большим матом на своих подчиненных. Однако, взобравшись наконец на вершину власти, отец вместо возможности материться, как Хрущев, на всю страну вынужден теперь еще осторожнее выбирать выражения – вот ведь в чем парадокс демократии! Да, сегодня любой работяга может орать (и орет!) публично: «Наш президент – говно!», но попробуй президент сказать то же самое о своих избирателях! Вот он и отводит душу в узком кругу, вот и тянет руганью время, чтобы отложить решение, которого ждет от него Пашутин.

Словно подтверждая эту догадку дочери, президент отошел от окна, сел в кресло, сказал с горечью:

– И вообще, блин, не с кем работать! Не с кем! Раньше, понимаешь, все-таки фигуры были – Устинов, Громыко, Андропов! Такие-сякие, а думали, понимаешь, о мощи страны. Посвящали этому, понимаешь, ну, не всю жизнь, но все-таки занимались этим делом! А сейчас? Даже в Кремле каждый только думает, на чем заработать. И все! А как сделать хоть что-то – нет, все на президента! Ну, что ты молчишь?

Дочь не ответила – она унаследовала его былую выдержку и умение со спокойным лицом глотать любые шпильки. Даже отцовские. К тому же сейчас он был абсолютно прав. Этот Пашутин должен был избавить отца от информации о проведении нелегальной операции. Как сделал это Оливер Норт при Рейгане и как положено делать всем более-менее

толковым руководителям разведывательных ведомств. Чтобы в случае провала президент мог развести руками, сказать, что он ничего не знал, и «сурово наказать» проштрафившегося министра.

– А снимать его сейчас уже тоже нельзя, – продолжал президент читать ее мысли. – Лошадей, понимаешь, на переправе не меняют. Тем более его племянница уже ведет эту операцию в Нью-Йорке.

– А нельзя просто сбить этот «Кедр», уничтожить? – спросила дочь президента у Яшина.

– И это поздно, – ответил тот. – Американцы любой запуск нашей ракеты секут из космоса...

– Н-да, понимаешь... – Президент потер нижнюю губу, потом почесал-взлохматил волосы на голове. Это был верный признак того, что он наконец решил всерьез обдумать проблему и просчитать варианты ее решения. – И вообще сбивать такую штуковину жалко, понимаешь. Мало ли кому пригодится приречь кой-чего. На следующих, понимаешь, выборах в президенты... – При этом он как-то из-под лба, зорко, с блеском в глазах глянул на дочь, и у нее разом посветлело на душе: наконец-то! Наконец-то отец *включился*, стал самим собой, прежним, как когда-то, в его лучшие времена.

– Вообще-то это не будет операция против американцев, – сказал Яшин так осторожно, словно издали навешивал президенту пас для удара по воротам. – Мы же не американцев

должны там взять, а наших, русских.

– Неужели? – насмешливо усмехнулся президент, не удавляя посланный мяч, а только играя им на весу. – А если эти «наши», понимаешь, уже приняли их гражданство и стали американцами?

– *Русскими* американцами, – уточнил Яшин, – русскими, которые выжигают груди у натуральных американок.

Президент нагнулся к селектору связи со своим секретариатом, нажал кнопку:

– Вернохлебова!

– Не надо! Отставить Вернохлебова! – быстро и громко, так, чтобы услышал секретарь, вмешалась дочь президента. И тут же объяснила отцу: – У него же дочка там, ты забыл?

Станислав Вернохлебов уже восемь лет был советником президента по международным вопросам и умницей, умеющим находить так называемые *взвешенные* решения. Но с одним недостатком: шесть лет назад, в период противостояния Президента СССР и Президента России, Вернохлебов поехал в командировку в США, взяв с собой жену и семнадцатилетнюю дочку, и там, в Вашингтоне, эта дочка по уши втюрилась в советника Белого дома по американо-советским отношениям. Вернохлебов, как к отцу родному, пришел тогда с этой бедой к своему хозяину, но отец сказал ему не колеблясь: «А в чем дело, понимаешь? Отпусти ее замуж, и будет ее муж нашим человеком в Белом доме. Авось при советует Бушу перестать цепляться за Горбачева!» Действи-

тельно, в *то* время лучшей возможности гасить горбоманию Белого дома даже трудно было придумать, да и потом, после свержения Горбачева, этот закулисный канал общения с Белым домом не раз выручал из щекотливых и горячих ситуаций. Но затем вышел конфуз: Ричард Никсон, готовясь к поездке в Москву, взял себе в помощники американского зятя Вернохлебова, а тот вдруг присоветовал Никсону посетить Руцкого, только что выпущенного из тюрьмы. И произошел жуткий скандал: зять советника Президента России привел Никсона к Руцкому!

Нужно отдать должное Вернохлебову: в тот же день он положил на стол президента заявление об отставке. Сам! И только это погасило тогда бешенство отца. «Заберите эту бумагу! – сказал он Вернохлебову с той холодной вежливостью, которая порой хуже отставки. – Я присоветовал вам отдать дочку за этого американца, я и буду расхлебывать! Так что идите и работайте! И Никсона я приму, чтоб не разжигать скандал. Но этого вашего зятя, понимаешь... чтоб его духу больше не было в Москве!

Вернохлебов остался в должности, но выбыл из *узкого* круга доверенных лиц. И теперь, когда речь шла о таком щекотливом деле, как тайная операция на территории дружественных Соединенных Штатов, следовало обойтись без него.

– Может, и правильно, – легко согласился президент с тем, как запросто и без церемоний дочь отменила его распоряже-

ние.

Но тут низкий, как гудок, ревун красного «атомного» телефона заставил их обоих вздрогнуть. Президент, открыв рот, изумленно уставился на этот извечно мертвый аппарат, а тот вдруг сказал встроенным в него динамиком:

– Товарищ главнокомандующий! Докладывает штаб космической разведки! Американцы запустили боевой вариант «Атлантиса»! Без предупреждения!..

Вместе с этими словами распахнулась дверь кабинета, в ней появился стремительный капитан 2-го ранга с «ядерным» чемоданчиком в руках. Алая сигнальная лампочка над ручкой этого чемоданчика лихорадочно мигала, в нем, в чемоданчике, были шифры запуска ответного ядерного удара. Капитан 2-го ранга бегом пересек кабинет и положил чемоданчик на стол президента, открывая его своим ключом и протягивая руку за ключом хозяина. На всю эту операцию у него ушло ровно четырнадцать с половиной секунд, как и положено по инструкции. Потому что еще за те сорок секунд, пока будет вычисляться траектория полета «Атлантиса», президент обязан определить силу ответного удара и назвать его командному пункту ракетных войск стратегического назначения. Боевой «Атлантис», как известно, вооружен лазерным оружием, и сбивать его нужно до вторжения в космическое пространство над Россией.

Одновременно с появлением капитана 2-го ранга на боковом, справа от президента, столике разом затрезвонили

все телефоны, и в кабинет вбежали советник по национальной безопасности Баулин, пресс-секретарь Грузицкий, генерал Пашутин, а также глава внешней разведки Куваев и советник президента по международным вопросам Станислав Вернохлебов. А на большом настенном телеэкране «Хитачи» высветился оперативный зал Генштаба армии и подземный бункер штаба ПВО, где дежурные уже поднимали по боевой тревоге авиацию и ракетные войска стратегического назначения. Хотя США и Россия давно обесцелили свои межконтинентальные ракеты, компьютерам Генштаба нужно не больше двух минут, чтобы вновь нацелить эти ракеты на Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные центры противника. Даже если лазерная пушка «Атлантиса» успеет ударить по Кремлю, ничто не остановит 1300 русских межконтинентальных ракет с 6000 ядерных боеголовок.

Яшин и дочь президента, вскочив со своих мест, подбежали к распахнутому перед президентом «ядерному» чемоданчику. Внутри его откинутой крышки, на электронной карте мира мигала яркая точка американской ракеты, восходящей над флоридским сапогом. Траектория ее взлета круто изгибалась в сторону Атлантического океана, за которым были Европа, Россия. Под картой были четыре ряда цветных кнопок и табло обратного отсчета времени, которое показывало, что до ответного ядерного залпа осталось тридцать три... тридцать две... тридцать одна секунда...

Дочь президента увидела, как руки отца, задрожав, замер-

ли над этими кнопками.

И в этот миг Вернохлебов сорвал трубку телефона горячей линии, который дребезжал громче других.

– Yes! – крикнул он в эту трубку. – Hello, Mister President! Yes! He is here. Just a sec! – И передал трубку президенту: – Вас, американский президент!

А сам взял трубку параллельного аппарата, включил динамик.

– Йес... – хрипло сказал русский президент, все еще держа одну руку над кнопками ядерного чемоданчика. – Аллоу... – И посмотрел на Вернохлебова.

– Hi! How are you? – прозвучал на весь кабинет сипло-глуховатый и веселый, как всегда, голос американского президента.

– We're o'key. How are you, Mister President? – бесстрастно ответил Вернохлебов, глядя на табло обратного отсчета времени. Никто не мог поручиться, что американский президент не будет тянуть эту светскую бодягу приветствий до того момента, когда русские ракеты уже не успеют перехватить «Атлантис» над Атлантическим океаном.

– I have a feelin' you are shitty scary over there about our missile shot...

– Я чувствую, вы там слегка струхнули из-за нашего ракетного пуска, – синхронно перевел Вернохлебов.

– Еще чего! – сказал ему русский президент.

– Nothin' of the kind! – перевел Вернохлебов в трубку, гля-

дя на табло, по которому уже бежали последние секунды – девять... восемь... семь... – What’s going on, sir?

– Relax! – усмехнулся голос американского президента. – That why I’m callin’ you. These fucking extra-terrestrials or...

– Расслабьтесь, – синхронно переводил Вернохлебов. – Я потому и звоню вам. Эти сраные инопланетяне, или хрен их знает кто, только что выжгли еще сорок сисек в Нью-Йорке. Мы запустили военный вариант «Атлантиса» с лазерной пушкой, чтобы посмотреть, есть ли кто-то там в космосе. И я хочу попросить тебя, мой друг: на вашей станции «Мир» крутятся сейчас на орбите два ваших и один наш астронавты. Могут они тоже поработать на эту задачу? А?

Все столпившиеся в кабинете помощники и советники шумно выдохнули и обессиленно грохнулись в кресла. Президент откинул голову к спинке кресла, закрыл глаза, а потом вслепую выдвинул боковой ящик стола, нашарил в его глубине, под деловыми бумагами, свою последнюю записку – бутылку «Московской» и стал наливать себе в стакан. Водка громко булькала в усталой тишине кабинета. Табло обратного отсчета времени застыло на цифре «0».

– Hello! – прозвучал в тишине встревоженный голос американского президента. – Can you hear me? What’s that bolbing sound?

– Алло, – синхронно переводил Вернохлебов. – Вы меня слышите? Что там у вас булькает? – И сам ответил: – Oh, it’s nothing, Mister President! It’s just mineral water. Of course,

we'll do what you say, no problem! – Он вопросительно посмотрел на президента, у которого дочка запоздало отнимала стакан.

– Ноу проблем! – сказал ему президент, успевший выпить. Затем утер губы тыльной стороной ладони и перевел себя на русский язык: – Никаких проблем!

– Отбой тревоге! – приказал всем Яшин и выпроводил из кабинета Пашутина, Баулина, Грузицкого и остальных. – Все! Все на выход!

– Thank you. Good bye! – сказал между тем в динамике голос американского президента.

– Good bye, Mister President, – ответил в трубку Вернохлебов и посмотрел на своего президента.

– Гуд бу, мистэр прэзидент, – повторил за ним русский президент в свою телефонную трубку и, опустив ее на рычаг, выругался в сердцах, вставляя: – Блин! Ничего себе «гуд бай»! Мы его чуть ядерными ракетами не раздолбали! И все из-за каких-то бабьих сисек! – Он посмотрел на Яшина и добавил: – Ладно! Пусть Пашутин начинает операцию! Только если он, понимаешь, ее провалит, я ему сам кой-чего выжгу!

– Какую операцию? – спросил Вернохлебов.

– Вы идите работайте. Это наши внутренние дела, – сказал ему президент. И хитро подмигнул своей дочери.

За окном кабинета часы на Спасской башне начали свой хрустальный перезвон, извещая о приближении полудня.

– Не знаю, представляет ли это для вас какую-нибудь ценность. – Врач вел Марка Аллея, Анну и Роберта Хьюга по коридору отеля «Покано-Форест дрим», где ФБР пыталось изолировать жертвы космических ожогов. Теперь этот отель сам выглядел жертвой бедствия: часть дверей была сорвана с петель, в коридоре валялись искореженная мебель, разбитые компьютеры и разодранные папки с медицинскими документами. Врач тоже выглядел не лучшим образом – его халат был порван в нескольких местах, лоб и шея заклеены пластырем, а на руках запеклись раны от укусов – следы ночного бунта его пациенток. – Но я должен это сказать, – продолжал он, переступая через разбитый горшок с пальмой, – а вы уж сами решайте. Дело в том, что мы подвергали их гипнозу. Всех...

Навстречу им санитары катили каталки, на которых лежали отловленные беглянки – спящие, связанные ремнями или спеленатые в смирительные рубашки. Бригадир санитаров спросил у врача:

– Куда этих?

– Пока – в любую комнату. Но не развязывайте, – ответил врач и двинулся дальше по коридору, говоря Хьюгу: – Их надо было отправлять в психбольницу сразу после ожога...

– Кто мог это предположить? – Хьюг показал глазами на

разгром. – К тому же без их согласия и разрешения их родственников мы не можем, мы не КГБ.

– А превратить отель в психбольницу?

– В клинику, – уточнил Хьюг.

– Конечно, – усмехнулся врач. – Короче, мы пропустили их тут через гипноз. И под гипнозом они все говорили об одиночестве. Знаете, эти типично бабские разговоры о том, как трудно найти приличного мужчину, который бы вас любил, понимал и так далее. Мол, это одиночество довело их до того, что они даже посылали письма и объявления в «Strictly Personal» – «Сугубо личное». Даже Лана Стролл посылала, можете себе представить?! Конечно, такие объявления есть везде, но, как ни странно, наши пациентки печатали свои объявления и отвечали на объявления только в журнале «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Я не знаю, что это может вам дать, но мне это показалось странным: все ваши «амазонки» – подписчицы именно этого журнала...

– Какого журнала? – испуганно переспросила Анна. – Извините, я прослушала.

– «Нью-Йорк, Нью-Йорк»... – повторил врач.

Марк и Роберт Хьюг переглянулись. При обысках квартир жертв ночных ожогов им не раз попадался на глаза популярный «Нью-Йорк, Нью-Йорк», но они не обращали на него никакого внимания, к тому же, помимо этого журнала, там всегда было полно и других – «Космополитэн», «Лайф», «Лук» и так далее.

– Где тут телефон? – спросила Анна у врача. – Я должна срочно позвонить.

– К сожалению, они тут все разгромили, вы же видите, – ответил врач, входя в комнату с тремя кроватями, на которых спали «амазонки», их руки и ноги были привязаны к койкам широкими кожаными ремнями. Одной из этих «амазонок» была Лана Стролл. Включив в палате свет, врач снова обратился к Хьюгу и Аллею: – Впрочем, есть и другие странности, тоже общие для всех. Например, всем им по ночам снится какое-то теплое море и земля, которую они рисуют в виде грозди винограда. Смотрите. – Врач указал на развешанные на стенах яркие, словно детские, рисунки. На этих рисунках был изображен какой-то остров, действительно похожий на гроздь винограда и окруженный яркими зелено-синими волнами. – Где находится эта земля, они не знают, но под гипнозом они все рисуют ее одинаково и говорят, что это рай, что они уплывут туда любой ценой и поселятся там навсегда...

– Это выглядит как Крым... – произнесла Анна, рассматривая рисунки.

– Что? – разом спросили врач и Роберт Хьюг.

Анна спохватилась:

– Нет, это я так.

– Ты сказала, это похоже на Крым, – подсказал Марк.

Анна натянуто улыбнулась:

– Мне показалось... К тому же Крым – полуостров, а тут

– остров.

Хьюг развернулся к ней всем своим мощным корпусом скандинавского викинга:

– Крым – это в России? Да?

– Теперь это часть Украины, – принужденно сказала Анна. – То есть раньше это была Россия, но Хрущев подарил этот полуостров Украине. Тогда, при нем, это не имело значения, все равно все было в СССР – и Украина, и все. Зато теперь...

– В Крыму Сталин встречался с Рузвельтом и Черчиллем, – продемонстрировал Марк свою эрудицию. – А вообще Крым для России завоевала Екатерина Вторая. Правильно, Аня? Я помню по учебнику русской истории. А до этого там жили кто угодно – греки, татары, турки...

– И амазонки, – насмешливо сказал доктор, взяв Лану Стролл за руку и слушая ее пульс.

– Нет, – возразила Анна. – Амазонок в России не было. И вообще я сказала, что это только похоже на Крым...

– Мы высадились на берегу Меотийского озера, – вдруг не своим, а сухим, хриплым голосом произнесла Лана Стролл, не открывая глаз. – Точнее, у Кремен. Тогда там жили свободные скифы...

Роберт, Марк и Анна изумленно застыли, не веря своим ушам. Голос, которым вещала спящая Лана, был женский, но это не был ее знаменитый, мягкий и известный всей Америке голос, а странный, гортанный и с нотками какого-то во-

сточного акцента.

Врач, держа ее за руку, тоже замер с видом человека, подстерегшего уникальную добычу.

– Продолжай, мы слушаем, – сказал он ей вкрадчиво, как говорят только врачи.

– Нас было сорок шесть, – хрипло продолжала Лана. Ее лицо как-то странно ожесточилось, огрубело, тело вытянулось и выпрямилось, а левая грудь холмом округлилась под простыней. – Остальные погибли во время шторма. Потому что греки, которые захватили нас в устье Фермодонт, держали нас в трюмах, связанными, и не давали нам никакой еды. Но мои подруги зубами перегрызли веревку у меня на руках, мы освободились и захватили судно. Греков мы выбросили за борт. Мы хотели плыть обратно, домой, но начался шторм, и ветер носил нас по морю. Так было много дней – не знаю сколько, ведь солнца не было, и шел страшный дождь. По воле богов мы не перевернулись. Но я все время держала курс в одну сторону, потому что слышала сердцем тот маяк, который слышу в себе и сейчас. И наконец мы прошли через узкий пролив и оказались спасены. Потому что из бурного моря попали в тихое озеро и увидели берег. Мы не знали, что это Крым...

Лана опять замолкла.

– Ты устала? – спросил ее врач.

– Да, очень. И я хочу пить.

Роберт, Марк и Анна оглянулись в поисках воды.

– Сейчас я принесу. – Роберт направился к двери.

– Подождите! – сказал врач. – Если дать ей пить, она проснется.

– Я устала. Я хочу пить, – повторила Лана.

Роберт решительно вышел из палаты.

– О'кей, – сказал Лане врач. – Расслабься. Отдыхай.

Лицо Ланы стало расслабляться и приобретать свой привычный абрис телезвезды.

– Док, – сказала она вдруг тихо и своим собственным голосом. – Он здесь? Мне кажется, я слышала его голос.

Врач заговорщически улыбнулся Марку и Анне и спросил у спящей Ланы невинным тоном:

– Чей голос, Лана?

– Хьюга, агента ФБР.

– Да, он здесь. Но он ушел принести тебе пить. А как ты узнала его голос?

– Не строй из себя дурака, док. – Лана улыбнулась во сне своей знаменитой улыбкой телемадонны. – Я тебе на каждом сеансе говорю, что влюбилась в него по уши. Еще там, в Катскильских горах...

Дверь открылась, Роберт Хьюг вошел с бутылкой кока-колы и керамической кружкой «I love N.Y.». И с недоумением посмотрел на воззрившихся на него Марка и Анну. Потом осмотрел себя и спросил у Марка:

– Что-то не так?

– О'кей, Лана, на счете «три» ты просыпаешься! – дело-

вито сказал Лане врач и скомандовал: – Раз! Два! Три! Ты проснулась!

Лана открыла глаза.

Прямо перед ней стоял Хьюг все с тем же недоумением на крупном лице скандинава.

Лана зарделась, как влюбленная шестиклассница, даже уши у нее заалели.

– Док, – произнесла она слабым тоном. – Развяжите меня.

Пожалуйста!

– А ты будешь себя хорошо вести?

– Буду.

– Ты не будешь кусаться, драться, ломать мебель и поднимать новое восстание?

– Не буду.

– Обещаешь?

– Клянусь.

Доктор вопросительно глянул на Хьюга. Тот кивнул. Доктор отстегнул широкие кожаные ремни, которыми Лана была привязана к кровати. Роберт налил ей кока-колу в кружку «I love N.Y.». Лана села и спросила у Анны:

– Я выгляжу ужасно, да?

– Вы выглядите отлично, – ответила та.

– Тут нет ни одного зеркала, это античеловечно! – жеманно сказала Лана и взяла кружку из рук Роберта. По ее прекрасному лицу еще блуждали остатки сна. Но по мере того как она пила коку – большими, емкими глотками, – заспан-

ность стала исчезать с ее щек, плечи развернулись, фигура вновь ожесточилась, и вдруг она резким жестом, наотмашь, как булавой, саданула врача этой кружкой по лицу с такой силой, что тот опрокинулся на пол, обливаясь кровью. А Лана рывком вскочила с кровати, в два прыжка оказалась у окна, схватила стоявшее под окном кресло и с такой нечеловеческой силой грохнула этим креслом по окну, что оно разлетелось вдребезги.

Анна испуганно выскочила из палаты, а Марк и Роберт бросились к Лане, но она, стоя на подоконнике, пяткой лягнула Марка так, что он отлетел к противоположной стене, и тут же замахнулась на Роберта поломанным креслом. Этот удар мог проломить Роберту череп, но Лана вдруг встретилась взглядом с глазами Роберта, и... ее рука замерла, зависла, плечи обмякли, и лицо вновь стало принимать свое женское выражение. Выронив кресло, она упала Роберту в руки.

– Укол! Снотворное! – жалобно попросила она. – Боже, со мной что-то ужасное... Я не могу с этим справиться... Господи, пусть мне сделают укол, или я убью себя, вас...

Анна вбежала в палату с санитарями, медсестрой и коробкой со шприцами. Санитары, дюжие, как самбисты, метнулись к Лане, но Роберт заслонил ее своим телом.

– Нет! Стоп!

– Укол! Укол! – Лана сама протянула медсестре свой локоть.

Медсестра профессионально резким ударом всадила иглу.

Через минуту, засыпая на койке, Лана тихо сказала:

– Роберт, я не знаю, что со мной. Я схожу с ума. Но я хочу, чтоб ты знал: я нормальная женщина. Пока еще... Помоги мне, пожалуйста!..

По ее лицу было видно, что, произнеся последний звук, она провалилась в сон.

Начальнику Федерального управления
силовыми ведомствами
при Администрации Президента РФ
генерал-майору ПАШУТИНУ А.Б.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Выполняя Ваше указание по срочному выявлению бывших сотрудников Лаборатории экспериментальной биоэнергетики (ЛАЭКБИ), Следственное управление ФСБ установило:

1. ШВАРЦ Илья Исаакович, руководитель лаборатории, 1935 года рождения, доктор биологических наук, проживавший по улице М. Пироговской, 8, кв. 16, погиб 21 августа 1991 года на Московской окружной дороге в результате столкновения его «Жигулей» с грузовиком «ЗИЛ-130». Водитель грузовика скрылся с места происшествия, следственными органами его личность не установлена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.